

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie et Yougoslavie. 5 fr.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern. 1.00 m. (6 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 14-15 (370-371)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отл. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, г. Broca, (Square Albin Cachot, baf. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

14 Августа 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Воззвания Рабочих Интернационалов: Против войны и фашизма! — За испанскую свободу — за мировую демократию!

Р. Абрамович. К событиям Испании.

Приветствие ЗД РСДРП исп. ким социалистам.

Отто Бауэр. Единный фронт фашизма.

А. А. Правовой порядок или произвол?

С. Ш. Реформа конституции, Наркомтруда и профсоюзы.

В. Александрова. Расхитители соцстраха.

И. Греков. Заметки: Неприкосновенность личности или неприкосновенность ГПУ? — «Самокритика» Троцкого.

С. Шварц. Международный конгресс профсоюзов.

В Рабочем Интернационале: Совместное заседание Бюро РСИ и МФПС.

За границей: М. Недзьялковский. В Польше. — Избирательная победа финских с.-д.

По России: Новая конституция. — Растерянность коммунистов. — Тактические задачи. — Волна новых арестов и репрессий. — Кузнецкстрой и Балхашстрой.

Издания, поступившие в редакцию. — От редакции.

Фельетон: Ф. Дан. Пути возрождения.

Воззвания Рабочих Интернационалов

Против войны и фашизма!

К РАБОЧИМ ВСЕГО МИРА!

За двадцать два года, истекшие с начала мировой войны, опасность делу мира никогда еще не была так осязательна, как в этом году. Никогда еще весь мир не чувствовала себя столь близким к краю ужасной пропасти:

все совершенно так, как в 1914 году.

В известных кругах все еще пытаются затушевать правду. Но ответственные организации рабочего класса должны выполнить свою старую обязанность: высказать, что есть.

После опыта последних лет никто уже не может заблудиться насчет истинных намерений фашистских диктаторов. Все дипломатические переговоры Гитлера и все его «мирные предложения» продиктованы прежде всего стремлением выиграть время для завершения германских вооружений.

Соглашение между Германией и Австрией показывает, что под покровом мирных соглашений и временных уступок Гитлер на деле тем настойчивее и коварнее проводит свои завоевательные цели: первым результатом австро-германского договора явля-

ется создание кольца фашистских государств, все более угрожающе охватывающего демократическую Чехо-Словакию. Уничтожение последних остатков народных прав в Данциге показывает, с какой беспермонностью германский фашизм топчет ногами все международные соглашения и обязательства, если нет той силы, которая бы их защитила.

Сближение между Гитлером и Муссолини является, сколько бы ни прикрывать этого мирными уверениями, ничем иным, как

военным союзом международного фашизма.

В Абиссинии восторжествовало брутальное насилие фашистского завоевателя. — Лига Наций склонилась перед правонарушителем. В Азии японский империализм по-прежнему угрожает Китаю и Советскому Союзу.

Фашисты всех стран приветствовали военный мятеж в Испании как новый крупный шанс для расширения сферы фашистского господства, как надежду включить новое звено в цепь фашистских военных союзов. События в Испании показывают, что фашизм готов в любой момент зажечь пожар гражданской войны в каждой отдельной стране. Героическим рабочим в Ис-

пани весь Интернационал шлет свою признательность и чувство своего восхищения тем, что они не остановились ни перед какими жертвами, чтобы защитить свободу и право против кровавого насилия.

Не внутренний разлад, не пассивность должны защитники мира противопоставить проискам фашизма, сознательно подготовляющего дело разрушения. Политика мира не может проводиться при помощи полумер и при поддержке полу-друзей.

Кто хочет мира, тот должен быть готов его защищать.

Он должен быть готов взять на себя все те обязательства, которые одни только могут обеспечить функционирование действительной системы коллективной безопасности путем взаимной всеобщей и организованной поддержки против нарушителей мира. Мы остаемся верны основным принципам этой системы: сообща выполняемые обязательства уменьшают общую опасность.

За испанскую свободу — за мировую демократию!

На выборах, организованных буржуазным правительством при соблюдении всех конституционных гарантий, подавляющее большинство испанского народа высказалось 16 февраля 1936 г. за партии Народного Фронта, в частности за социалистическую партию Испании. В результате этих выборов образовалось, без участия социалистов демократическо-республиканское правительство, поставившее себе задачей удовлетворить потребности народных масс, смягчить нужду и страдания рабочих и крестьян.

Этого было достаточно, чтобы началась кампания террора против правительства. Ярость реакционных партий, побежденных на всеобщих выборах, ненависть имущих классов, дрожащих за свои привилегии, проявилась в ряде покушений, вызвавших неизбежный ответ с другой стороны.

Но реакция на этом не остановилась. Десять дней тому назад монархические и фашистские предатели, генералы, которым республика, к сожалению, оказала доверие, подняли восстание против законного правительства и ввергли страну во все ужасы гражданской войны, надеясь утопить в потоках крови республику и демократию.

На борьбу против этих преступников рабочий класс Испании и вся демократия восстали с героизмом, который вынуждены признать даже самые реакционные буржуазные газеты: поражение преступного фашистского заговора не подлежит сомнению.

Международная Федерация Профессиональных Союзов и Рабочий Социалистический Интернационал сплоченно становятся на сторону испанских рабочих и крестьян в их беззаветной борьбе за демократию и республику.

Рабочие массы всего мира понимают, что трагичес-

Мир неделим. Только активная, решительная политика мира, гарантирующая действительную коллективную безопасность, может спасти еще мир от наступления танков, бомбовозов и ядовитых газов.

Политика мира — это политика борьбы против фашизма. На рабочем классе лежит обязанность собирать массы и организовывать их для ведения сознательной и настойчивой анти-фашистской политики мира.

Разбивайте фашизм всеми средствами и во всех странах!

Тогда и только тогда вы сможете спасти себя самих от рабства и нищеты, только тогда вы сможете спасти мир от войны.

Международная Федерация Проф. Союзов
Раб. Соц. Интернационал

Брюссель, конец июля 1936 г.

кие события, совершающиеся сейчас в Испании, открывают новую главу в мировом единоборстве между фашизмом и демократией.

Фашистские государства и фашистские партии во всех странах сами придали этим событиям все их значение, немедленно начав политику явной или скрытой поддержки испанских бунтовщиков, преступно восставших против своего отечества. Этого одного было бы уже достаточно, чтобы возложить на международный пролетариат долг братской солидарности по отношению к испанским братьям по классу и заставить его немедленно принять все нужные практические шаги.

Товарищи! Вы все чувствуете, что поражение республики и демократии в Испании будет тяжким ударом дела свободы во всем мире.

Для такого дела нельзя жалеть никаких жертв. Наши братья, которые приносят в Испанию на алтарь борьбы свою жизнь и свою кровь, вы должны оказать ту материальную и моральную поддержку, на которую вы способны.

Демонстрируйте повсюду и во всех условиях свою активную солидарность с испанскими рабочими! Требуйте от всех демократических правительств, чтобы законному правительству Испании, в соответствии с принципами международного права, была предоставлена возможность обеспечить себя всем, что ему нужно для своей защиты.

Жертвуйте в международный фонд солидарности! Да здравствует испанская республика! Да здравствует Испания рабочих! Да здравствует Интернационал!

Международная Федерация Проф. Союзов
Раб. Соц. Интернационал

28 июля 1936 г.

К СОБЫТИЯМ В ИСПАНИИ

Волей истории этапы буржуазно-демократической революции в Испании, — этой единственной еще в Зап. Европе полу-феодальной, полу-капиталистической стране, — каким-то образом оказались связанными с этапами мирового пролетарского движения.

Поражение октябрьского восстания 1934 г. в Астурии было последним аккордом эпохи пролетарских поражений в Европе. Избирательная победа испанского Народного Фронта 16-го февраля 1936 г. явилась прелюдией к новой полосе подъема пролетарского и демократического движения. Теперь генеральский мятеж 18-го июля вновь

грозит сделаться исторической вехой в развитии не только Испании, но и всей Европы.

Гражданская война, все более и более упорно разгорающаяся сейчас в Испании, приковывает в себе внимание всего мира. Ибо мир чувствует, что тут не только решаются судьбы самой Испании, но все туже завязывается узел международных осложнений, способных потрясти всю систему европейского равновесия и привести к чрезвычайно опасным последствиям для дела мира.

Военный путч 18-го июля, задуманный как заговор армии против правительства Народного Фронта, со-

вался благодаря тому, что к восстанию не примкнули нижние чины авиации и флота. Правда в заговоре участвовали до 80 % всех войсковых частей. Правда, офицерство, даже во флоте, сплошь примыкало к реакционно - клерикально - дворянским кликам, руководившим восстанием.

Но огромным козырем в руках правительства оказалась настроенность солдат, находящихся в тесной связи с настроением крестьянства. Крестьянское население Испании представляет собою по своему экономическому и культурному развитию, по своим политическим и социальным симпатиям, чрезвычайно пеструю картину. В этой стране, где до сих пор чрезвычайно силен автономизм 47 провинций, где отдельные области необычайно отличаются друг от друга по своему экономическому и культурному уровню, где наряду с областями, обладающими значительными массами зажиточного крестьянского населения, имеются провинции с крупнейшими латифундиями «грандов», до сих пор являющихся почти неограниченными крепостными властелинами над своими мало- или без-земельными «подданными», где власть церкви и клерикализма необычайно сильна, в этой стране мы имеем наряду с революционно - настроенным крестьянством, проникнутым жаждой аграрной реформы и социальной справедливости, очень большие крестьянские массы, являющиеся настоящей «вандеей» и находящиеся до сих пор в полном подчинении у помещиков и духовенства. Эта пестрота проходит и через толщу господствующих классов Испании: среднее и крупное дворянство, из среды которого традиционно в течение веков рекрутировалось чиновничество, духовенство и офицерство, в союзе с могущественной католической церковью и хищнической капиталистической буржуазией типа Хуана Марча, дает основные кадры монархической реакции и фашизма. Городекая буржуазия, интеллигенция, часть крестьян и рабочих являющиеся оплотом либерализма и демократических стремлений. Борьба этих двух лагерей за последние 70 лет политическую историю Испании, столь богатую кровавыми и драматическими столкновениями и переворотами.

**

В этом отношении общая картина несколько напоминает собою Россию до 1817 г.: — та же ситуация завовавшей анти - феодальной до - капиталистической, буржуазно - демократической революции в эпоху преобладающего капитализма и решающих боев между фашизмом и социализмом; разрушение монархических Бастилий, феодальных рыцарских замков и средневековых аббатств в век аэропланов и радио...

Как и в России, руководящая роль в освободительной борьбе приходится исторически на долю сравнительно немногочисленного в этой аграрной стране промышленного пролетариата. И, как и в России, борьба за уничтожение до-капиталистических отношений должна у испанского пролетариата сочетаться с борьбой против самой системы капитализма. Но в отличие от русского пролетариата, испанские рабочие отличаются гораздо более высокой степенью организованности: в профессиональные союзы разных направлений в Испании в 1919-1920 гг. входили около 1.300.000 рабочих при общем числе пролетариев в 3½-4 миллиона. И в дальнейшем отличие от России 1905 - 1917 гг. испанские рабочие в политическом отношении представляют собою далеко не однородную массу: в указанные уже годы сильного, под влиянием русской и средне - европейских революций, подъема рабочего движения в Испании лишь меньшинство испанского организованного пролетариата (около 240.000) находилось под влиянием марксистских партий и профсоюзов. Значительно большая часть входила в «христианские» католические профсоюзы, а большинство

рабочего класса Испании, еще начиная со времен Первого Интернационала и Бакунина, прочно примыкает к анархизму и синдикализму разных толков (в 1919 г. в анархистско - синдикалистские Конфедерации Труда входило около 700.000 членов). Эта относительная слабость социалистического крыла при одновременном преобладании анархистских традиций и настроений придает особую своеобразность испанскому рабочему движению, призванному играть роль вождя демократической революции. Положение еще за последнее время осложнялось тем, что внутри марксистского крыла шла резкая борьба между коммунистами и социалистами, а внутри самой соц. партии внутренние противоречия приобрели, как раз накануне военного пугача, такую остроту, что можно было серьезно опасаться раскола.

Однако, как мы уже указали в статье о выборах 16 февраля, тактика единого фронта, примененная и социалистами и коммунистами, сумела увлечь за собой и широкие массы анархистов и либерально - демократические слои. Результатом явилась победа Народного Фронта и образование левого правительства, приступившего между прочим реально к проведению аграрной реформы. К сожалению, испанские социалисты и коммунисты отказались от вхождения в правительство, ограничившись его поддержкой в парламенте и внепарламентским давлением на него. Тем самым они лишили правительство той ударной силы и действенности, которые ему были необходимы в виду того яростного сопротивления, которое его социальные и политические мероприятия неминуемо должны были встретить со стороны объединенных сил испанской реакции, в особенности со стороны армии, с трудом сдерживавшей до поры до времени свою ненависть к республике.

События показали, насколько опасна была тактика «стояния в стороне» — этот пережиток анархистских настроений и лже-революционных теорий. Лишенное непосредственного руководства рабочих партий, правительство дало себя застигнуть врасплох генеральским мятежом, подготовленным с большой ловкостью. И если республика не погибла в первые же дни восстания, несмотря на измену 80 % всех офицеров армии, то только благодаря матросам военного флота, которые перестреляли мятежных офицеров, авиационным частям, которые в своем большинстве остались верны правительству, и самоотверженной храбрости рабочих милиций, возникших с чудесной быстротой буквально из ничего.

Гражданская война протекает в условиях, в общем чрезвычайно благоприятных для республики. Несмотря на переход почти всей армии на сторону повстанцев, борьбу на стороне реакционных генералов ведут фактически почти исключительно офицерские части и добровольцы из фашистских лиг: рядовые солдаты в своем большинстве не проявляют особого рвения, а кое-где при первом удобном случае и переходят на сторону правительства. Зато на стороне обороняющейся против генеральско-помещичьего заговора республики все больше концентрируются самые широкие народные массы, борющиеся с беззаветной храбростью и с неописуемым воодушевлением. Душой обороны являются рабочие милиции, борющиеся под своими партийными знаменами и руководимые своими партийными или профессиональными организациями. Это обстоятельство может впоследствии, при дальнейшем обострении классовых отношений, иметь очень серьезные, и, может быть, даже роковые последствия. Но на данной фазе борьбы эти рабочие милиции выносят на себе всю тяжесть борьбы и являются стержнем всего антифашистского фронта.

Опираясь на организованную силу рабочего класса, на его энтузиазм и дисциплину, правительству удалось наладить не только вооруженный отпор на многочисленных и чрезвычайно причудливо расположенных фронтах, но и, владея внутренними линиями сообщения, организовать

снабжение столицы и других важнейших пунктов, и наладить работу аммуниционных и других заводов, важных для ведения войны. В то же самое время верные правительству части флота и авиации до сих пор успешно препятствовали проведению в жизнь основного плана мятежников — переброски марокканских легионов на материк.

*
**

Если бы Испания была изолирована от остального мира, если бы в гражданскую войну в Испании с самого начала не стали бы вмешиваться иностранные силы, — то победа республики и поддерживающих ее рабочих над испанской реакцией и фашизмом не могла бы подлежать никакому сомнению. Время работает против военных заговорщиков. Поскольку им не удалось лобовой атакой заставить врасплох республиканское правительство, поскольку война приняла затяжной характер, и обе стороны зарылись в землю, перейдя к позиционной войне, — постольку каждый дальнейший день борьбы все больше развязывает и укрепляет социальные силы, стоящие за республикой, несущей народу аграрные реформы, социальный прогресс и политическое равенство, и все больше и больше разлагает массовую основу реакции, руководимой силами прошлого.

Но современная Испания не только не изолирована от окружающего мира, — но, наоборот, находится в непосредственной близости одного из самых чувствительных «невралгических пунктов» мировой политики (Гибралтар, Марокко)), но и сама она является в настоящий момент центром чрезвычайно разветвленных и чрезвычайно сложных международных интриг и связей.

Прежде всего, теперь уже не подлежит никакому сомнению и доказано рядом неоспоримых фактов, что заговор Франко подготовлялся исподволь и задолго до 18-го июля при самом деятельном участии Германии и Италии. Фактический глава заговора, генерал Санхурхо, погибший в самом начале восстания при авиационной катастрофе, был гостем Фюрера в Германии и заключил с ним повидимому какое-то соглашение. Финансирование генерала Франко производится, по сведениям газет, через один гамбургский банк. В испанском иностранном легионе с некоторого времени замечается усиленный приток германских офицеров и инструкторов. Повстанцы на северном фронте возле Мадрида вооружены винтовками германского образца и носят стальные каски германского производства. В марокканскую армию прибыло несколько германских аэропланов военного образца. Не менее деятельное и активное участие в поддержке генеральского восстания принимает и Италия. История с итальянскими военными аэропланами и военными летчиками, только 28-го июля уволившимися в запас из итальянской армии, достаточно известна читателям из газет. Пароходы с военными припасами и нефтью для повстанцев непрерывно приходят как из Германии, так и из Италии. И благодаря этой военной помощи обоих фашистских государств, генерал Франко не только в состоянии держаться, но и в самые последние дни оказался в состоянии сделать то, чего не мог сделать до сих пор — перебросить часть марокканских легионов на полуостров, тем необычайно усилив свою позицию на южном фронте. Не будет преувеличением сказать, что Италия и Германия фактически уже участвуют в испанской гражданской войне на стороне фашистской реакции.

Позиция этих двух стран определяется не только их внутренним духовным родством с испанскими реакционерами и фашистами, но и более осязательными и менее идейными соображениями. В газетах передаются сведения о тайном договоре между генералом Франко и Италией, согласно которому Испания предоставит Италии один из Баlearских островов как военно-морскую базу.

Ходят также слухи о соглашении между Италией и Германией относительно испанского Марокко: чем бы ни кончилась гражданская война, Испания из нее выйдет в военном отношении ослабленной. И Италия и Германия выступают первыми претендентами на «испанское наследство».

Но помимо всего прочего или в дополнение ко всему прочему, задачей первостепенной стратегической и политической важности для союза фашистских стран является установление на Пиренейском полуострове, в туннеле у Гибралтара, в южном бассейне Средиземного моря и на всей 300-километровой границе южной Франции господства дружественной и союзной фашистской Испании. Тогда Франция с трех сторон (на Рейне, на итальянской границе и на испанской границе) будет окружена кольцом связанных между собой военным союзом фашистских государств; тогда военная цепь фашизма будет тянуться от Вислы и Дуная до Тахо и Дуэро.

Но замыслы германо-итальянского фашизма могут быть и дальше. Победа фашизма в Испании не только будет блестящим политическим и военно-стратегическим успехом для стран фашизма, она не только в военном отношении изолирует Францию и создаст серьезные опасности для Англии, — она может иметь еще и непосредственные политические последствия для внутренней политики Франции, и при том в направлении, благоприятном для целей фашизма. Вряд ли приходится сомневаться, что через несколько месяцев после укрепления фашистского режима в Испании, реакционно-фашистские организации и монархические военные круги Франции, притаившиеся сейчас в виду огромного подъема, вызванного победой Народного Фронта, — не преминут выступить на сцену с попыткой, аналогичной той, которая была предпринята испанскими генералами. Уже наверное и сейчас лихорадочно делаются приготовления, уже наверное и сейчас эмиссары Гитлера и Муссолини ведут нужные переговоры с соответствующими организациями и «вождями», уже наверное и сейчас распределяются роли в том богатом наследстве, которое должно достаться французской реакции после ликвидации демократии и рабочего движения во Франции. Но победа фашизма во Франции после кровавых боев и разрушительных междоусобных войн крайне ослабит военнополитическую мощь Франции и превратит ее в пособника завоевательных планов Гитлера и Муссолини. В какую сторону эти завоевательные планы направятся, — в этом не может быть сомнения. Единственный «компромисс», на котором сможет сойтись всеевропейский союз фашистских государств со включением Франции, может состоять только в порабощении и разделе Советской России и...

*
**

Наброшенная нами перспектива отнюдь не является фантастикой. Это, увы! вполне осязательная реальность международного узла, завязывающийся в Испании, несет с собою непосредственную угрозу мировой войне и, в качестве ее прелюдии, фашизацию всего европейского континента. Кто в этом еще сомневается, тому достаточно проследить политическую дифференциацию, вызванную испанскими событиями во всех, даже самых демократических странах Европы. Нет во Франции человека, который бы не понимал, что германо-итальянские планы в Испании, Средиземном море и Марокко радикально меняют европейское равновесие сил в ущерб Франции и коренным образом противоречат не только интересам французской демократии, но и национальным интересам французской империи. Это все понимают и этого никто не решает отрицать. Однако, как раз французские националистические круги, всегда заявлявшие себя монополистами французского патриотизма и империализма, решительно становятся на сторону генерала Франко.

раза Франко, этого признанного агента Гитлера и Муссолини. И однако так называемая «большая печать», обычно строгая ревнительница «национальной чести» и «достоинства» Франции, обычно всякого французского пацифиста объявляющая гитлеровским агентом, сейчас требует «невмешательства» и «нейтралитета» по отношению к испанским делам, фактически при наличии явной интервенции со стороны Гитлера и Муссолини. Аналогичные явления можно наблюдать и в Англии. Британское правительство устами Идена заявило, что с точки зрения национальных интересов Англии надо желать победы нынешнего испанского правительства. Это понятно, ибо Англии отнюдь не улыбается перспектива превращения Средиземного моря в «замкнутое море» итальянско-испанского фашизма, и создания у ворот Гибралтара итальянской военно-морской и авиационной базы. Английское правительство далее заявило, что оно «не допустит» появления «третьей державы» в Марокко (помимо Франции и Испании). Это не мешает патентованным патриотам из «Дейли Мейль» прилетствовать генерала Франко и желать ему всяческой победы. Это не мешает довольно широким слоям буржуазно-общественного мнения Англии — из боязни победы «анархии» в Испании, — фактически занимать позицию, благоприятную победе реакции в гражданской войне, закрывая глаза на опасности, протекающие от этого для интересов английской империи.

Капиталистическая солидарность оказывается на этот раз сильнее национальных разделений. Против революции, грозящей разгореться в Испании в случае победы «красных», — в Европе стихийно создается своего рода «Священный союз» фашизма, политической реакции и капитализма. Так гражданская война в Испании из чисто национального события превращается в эпизод борьбы меж-

ду мировым пролетариатом и международным фашизмом, — борьбы, непосредственно упирающейся сейчас в опасность мировой войны.

*
**

Именно эта опасность, выступающая с каждым днем все явственнее и отчетливее, определяет собою крайне сдержанную и, нужно сказать открыто, нерешительную политику демократических государств, в том числе правительства Народного Фронта во Франции, от которого мир был вправе ожидать более ясной и определенной тактики. Вся международная обстановка за последний год определяется на одной стороне наступательной и провоцирующей агрессивностью фашистской Италии и гитлеровской Германии, — на другой стороне нерешительностью, сдержанностью и уступчивостью Англии и Франции. Но совершенно ясно, что успехи Муссолини и Гитлера объясняются не только силой «военного потенциала» Италии и перевооружившейся Германии, — хотя потенциал этот сам по себе представляет собою очень почтенную величину, — но прежде всего слабостью Англии и Франции*).

Это ощущение своей слабости продиктовало повидимому

*) Эта слабость проистекает из трех причин: во-первых, из действительной военно-технической отсталости Англии и Франции по сравнению с блоком фашистских стран; во-вторых, из непреодолимого отвращения ко всякой войне, которым проникнуто до самых своих глубин население Франции и Англии; в третьих, из того глубокого недоверия к Советской России, которым до сих пор проникнуты не только буржуазные слои, но и значительная часть рабочего класса, в особенности Англии. А между тем, без тесного союза с Советской Россией неммыслима успешная борьба западно-европейской демократии против военного фашизма. Но об этих проблемах надо поговорить особо.

ПУТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

1. Новый период революции.

Опубликование «сталинского» проекта конституции Советского Союза является событием громадного исторического значения: оно отмечает вступление революции в новый период ее.

Рассматривая начальный период этой революции — февральский — в исторической перспективе, надо констатировать, что, по содержанию своему, этот период оказался лишь вступлением в революцию, лишь ее прологом. Его миссия была исчерпана выполнением исторически решающей, но по существу «негативной» задачи — низвержением самодержавия. Его положительное творчество — не только в экономической, социальной и культурной областях, но и в области политической, — совершенно не успело развернуться, не успело проложить русла для течения революционного потока: оно, как и весь «февральский» период в целом, было преждевременно задушено войною. Поэтому «февраль» разбудил дремлющую революционную энергию народных масс необъятной страны, создал опорные пункты для концентрации этой энергии («советы») и расчистил путь для ее разлива. Но самого творческого проявления этой энергии, которое составляет «душу» великой революции, февральский период ни организовать, ни увидеть не успел. В этом смысле его можно с полным правом характеризовать исторически лишь как вступительный период великой революции.

С огромной взрывчатой силой вырвалась наружу эта

революционная энергия колоссальных народных масс, до белого каления доведенная атакой белой контрреволюции и империалистической интервенцией, лишь после октября 1917 года, в тот первый период большевистской революции, который протекал под знаком военного коммунизма. Этот период характеризуется радикальным, беспощадным разрушением не только всех внутренних экономических, политических, социальных и культурных устоев до-революционного общества, но и внешних цепей, которые делали это общество пленником мирового капитализма и вынужденным участником империалистической войны. Ценою колоссального напряжения сил и еще более колоссальных жертв революция освободилась от той мертвой хватки, которою держали ее за горло ее внешние и внутренние враги, которою они уже задушили республиканско-демократический «февраль» и которою грозили задушить и остановить весь революционный процесс. Но, если периоду военного коммунизма удалось с беспримерным в истории революций радикализмом довести до конца свою разрушительную работу, то только потому, что руки этих врагов были уже наполовину парализованы. Потрясаемый после - военным социально-психологическим кризисом, не доверяющий ни своим народным массам, ни своим вооруженным силам, капиталистический мир вынужден был сосредоточить все свои усилия, прежде всего, на предотвращении и подавлении тех пролетарских революций, которые грозили перевернуть вверх дном самый центр капиталистической Европы. Он не только не мог оказать российской контр-революции той матери-

и ту политику французского правительства в испанском вопросе, которая вызывает столько недоумений и столько нареканий в кругах международного социализма. Под давлением буржуазного общественного мнения, втайне сочувствующего генералу Франку в его борьбе против «красных» и «анархистов», и, надо полагать, в результате прямого сопротивления радикал-социалистических членов кабинета, министерство Блюма вынуждено было отказаться от той ясной и определенной политики, которая диктовалась ему и его политическими симпатиями, и традициями международного права: нельзя же в серьез принимать знаменитую теорию «нейтралитета», которая была придумана буржуазными газетами. Законное и дружественное правительство соседней страны не может рассматриваться как равная сторона по сравнению с мятежниками, восставшими против своего законного правительства. Как правильно замечает тов. Де-Брукер в своей статье в бельгийском «Цепль», никому и никогда в Европе еще не приходило в голову препятствовать закупкам оружия законным правительством какой-либо страны только потому, что последнему приходилось в этот момент усмирять внутреннее восстание. Правда, эти законные правительства обычно были правые, а повстанцы левые. Но неужели же международное право меняется от того, что на этот раз правительство в Испании левое, а повстанцы реакционеры? Французские газеты сообщали об «энергичных представлениях», сделанных в Париже представителями Германии и Италии, которые, повидимому, грозили интервенцией на стороне генерала Франко в случае, если Франция окажет помощь законному правительству Испании. Отступление перед этой попыткой политического шантажа представляется нам ошибкой. С точки зрения чисто дипломатической, шаг Франции — предложение соглашения о взаимном невмешательстве в испанские дела — может быть и является

довольно ловким шагом, явно приведшим в некоторое смущение и Италию и Германию. Но создавшееся положение не может быть уже разрешено в области чистой дипломатии. Под всякими предложениями затягивая переговоры и ставя издевательские контр-условия (чем иным является протест против предполагаемой посылки денег из Советской России испанским рабочим организациям в момент, когда Италия уже послала военные аэропланы, при помощи которых уже произошел десант марокканских войск в Ажесирасе?) фашистские страны фактически предвещают войну не за зеленым столом, а на полях сражений. И когда им удастся вооружить войска генерала Франко до той степени, что последние смогут стать хозяевами Испании, тогда они подпишут какие-нибудь конвенции. Может ли с этим примириться и политическая совесть и интерес французской демократии? На карту поставлено сейчас слишком много. На холмах Гвадарамы, на полях Андалузии, в горах Астурии сейчас решаются судьбы не только испанского народа, но и всей демократии и всемирного мира. В такие моменты осторожность и медленность из добродетели превращаются в величайшую опасность. Не прав ли тот французский товарищ, который на национальном совете партии в мае сего года заявил, что старые формулы надо изменить. Когда-то говорили: «осторожность является лучшей половиной храбрости» — теперь надо сказать: «лучшей половиной осторожности является смелость».

Р. Абрамович.

ПРИВЕТСТВИЕ ЗД РСДПР ИСПАНСКИМ СОЦИАЛИСТАМ

Заграничная Делегация РСДПР послала Испанской Социалистической Рабочей Партии следующее обращение:
От имени нашей партии и всех рабочих - социалдемократов Советского Союза шлем пламенный привет социалистам Испании, всем пролетарским организациям ее, всем трудя-

ально помощи, которой она от него ожидала, но и морально - идеологически подрывал и дискредитировал эту контр-революцию своим собственным морально - идеологическим банкротством и очевидным бессилием.

Из периода военного коммунизма советский режим вышел существенно преобразованным. Организовавшая победу революции террористическая диктатура пережила гражданскую войну, ее породившую и укрепившую. Второй период большевистской революции — нэповский период восстановления производительных сил начался в условиях, когда революционная деятельность масс была не только введена в рамки все более централизованного бюрократическо - милитаристского государственного аппарата, но и в значительной мере этим аппаратом ликвидирована: на пороге нэпа стоит насильственное подавление всеобщей забастовки петербургских рабочих и кровавая расправа с кронштадтцами, лояльно - советское движение которых именно бюрократическо - милитаристской репрессией только и вогнано было в «восстание». Пришедшая на смену исторически устаревшей «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» 1918 г. Советская конституция 1923 года сама оказалась исторически запоздавшим отголоском прошлого и никогда не была применена на деле. Ибо к этому времени сами советы успели уже из органов революционной самостоятельности масс превратиться в подчиненные всемогущей партийной диктатуре органы управления этими массами.

Подгоняемый растущим недовольством изголодавшихся масс диктатуре этой не оставалось других путей для сколько нибудь быстрого восстановления до разрушенного хозяйства, как путь использования уцелевших остатков разгромленных революцией классов, с

одной стороны, обращения к ресурсам окружающего Советский Союз капиталистического мира, с другой. Героинка гражданской войны с ее специфической «партизанщиной», но и с ее традициями массовой самостоятельности, сдается в архив и объявляется реакционной. Ей на смену выдвигается мирно - мещанская героиня людей, умеющих — торговать и богатеть. Нэпман и «спец» в городе, кулак в деревне становятся самыми видными фигурами хозяйственного возрождения; концессии и кредиты делаются основным лозунгом в экономических отношениях с внешним миром. Но при таких условиях возникла опасность, что процесс восстановления разрушенных производительных сил не только окажется одновременно процессом восстановления разрушенных революцией экономических и социальных отношений, но приведет к определенным политическим последствиям — не к восстановлению до-революционной монархии, но к низвержению связанной пролетарско-якобинскими традициями партийно-большевистской диктатуры «бонапартистской» диктатуры разгромленных рабоче-крестьянской революцией, но ею-же преобразованных и возрожденных привилегированных социальных сил прошлого. И это тем более, что подьем социально - политического самосознания этих сил получал могучие импульсы и из окружающего Советский Союз капиталистического мира: если начало нэпа застало этот мир в состоянии бурного инфляционного кризиса, дававшего надежду, что сам нэп будет только «передышкой» между двумя взрывами «мировой социальной революции», то расцвет его протекал на фоне не орошенного американскими миллиардами «рационализаторского» подьема и видимой «стабилизации» мирового капитализма, в первую очередь — географически и экономически наиболее близкого Советскому Союзу капитализма континентально - европейской.

шимся ее городов и деревень, единым Народным Фронтом оставшим на защиту свободы.

Беспримерный героизм вашей борьбы против соединенных сил испанского и мирового фашизма вызывает восхищение рабочих всего мира, наполняет энтузиазмом сердца и делает вас авангардом всего международного социализма в его борьбе против погружающегося в фашистское варварство капитализма. Ваша победа нанесет смертельный удар не только испанской, но и международной фашистской реакции. Она спасет тем самым не только свободу, но и международный мир.

Да здравствует социализм, оплот свободы и мира!

ЕДИНЫЙ ФРОНТ ФАШИЗМА

Лига Наций отменила санкции против Италии. 52 нации выкинули, как с полным правом насмешливо выражался Муссолини, «белый флаг». Капитуляция перед итальянским диктатором совершилась в унижительных условиях: каждое слово резолюции, принятой сессией Лиги Наций, было предварительно согласовано с Муссолини; каждую фразу, пытавшуюся хотя бы на словах прикрыть сдачу Лиге Наций своих принципиальных позиций, приходилось выторговывать у Муссолини, перелазить по его указке.

После капитуляции Европа пригласила итальянского диктатора «снова занять свое место в Европе». Его пригласили в Брюссель на Локарнскую конференцию, в Монре на конференцию о проливах. Но Муссолини этого было мало. Он потребовал, чтобы сначала были аннулированы пакты о взаимопомощи в Средиземном море, заключенные между собою санкционистскими державами. И тотчас же могущественная Франция аннулировала пакт. Но Муссолини требовал еще, чтобы сначала Англия отозвала из Средиземного моря тот флот, который она поз-

При таких условиях «бонапартистская» опасность была так очевидна, что она не только вдвигала в очень тесные рамки борьбу социалдемократии против террористически - диктаторского режима, но и парализовала все попытки изнутри предотвратить бюрократическое вырождение диктатуры и вернуть ее к ее демократическим основным истокам: эта опасность обусловила собою бессилие и разгром всех коммунистических оппозиций, правых и левых. А разгром этот, в свою очередь, все более укреплял диктатуру, но и все более бюрократизировал ее и суживал ее базис: из диктатуры над советами и представленными в них массами она все более превращалась в диктатуру все суживающегося круга «вождей» над самой партией и даже — в единоличную диктатуру генерального секретаря партии, Сталина над «вождями». Не ликвидированная «бонапартистская» возрождающихся привилегированных сил диктатура партии начала к исходу этого процесса саморазрушения с другого конца.

Этот процесс персонализации диктатуры, бюрократизирующей самую партию и превращающей ее в личное орудие в своих руках, почти завершился к концу третьего периода большевистской революции, в период «генеральной линии» и пятилетнего периода колоссального количественного и качественного подъема производительных сил, который составлял одну из основных задач революции и которого настоятельно требовали как интересы страны, так и интересы ее внешней безопасности. В ходе этого периода диктатура становилась все более «тоталитарной». Именно тоталитарный характер ее позволил ей провести исторически необходимую хозяйственную реконструкцию страны в таком грандиозном масштабе и в таком быстром темпе, которые были бы недоступны никакому другому режиму

лала туда для подкрепления. И гордая Англия сделала это! Национальная гордость французов и британцев примиралась и с этим унижением.

Но теперь-то Муссолини был удовлетворен? Был он готов сотрудничать с Францией и Англией? Свой ответ он дал, лишь только капитуляция западных держав стала совершившимся фактом.

11 июля было опубликовано в Вене и Берлине соглашение между Германией и Австрией. И, чтобы не было никаких сомнений насчет смысла этого соглашения, на следующий же день Муссолини заявил: без Германии Италия на Локарнскую конференцию не пойдет!

Австрия была яблоком раздора между итальянским и германским фашизмом. Надо было уладить этот спор, чтобы Германия и Италия могли совместно выступать против западных держав, против Советского Союза, против Малой и Балканской Антанты. Ныне соглашение между Гитлером и Муссолини состоялось, единый фронт обеих фашистских великих держав стал фактом. И Муссолини объявляет Лондону и Парижу: вы славно капитулировали передо мной; а теперь-то я и пойду с Гитлером против вас!

Капитуляция демократий не помешала заключению единого фронта фашистов.

Со времени прихода Гитлера к власти и ускоренного вооружения Германии в политике Франции доминировала одна мысль: заручиться союзом Италии против Германии. Ради этого во время римского свидания 1935 года Лаваль предоставил на волю диктатора Австрию и Абиссинию. Ради этого он саботировал летом 1935 года все попытки Лиги Наций предотвратить грозившую Абиссинии завоевательную войну. Ради этого он, когда

и которые напоминают — далеко, впрочем, превзойденные ими! — масштабы и темпы «петровской» эпохи.

Слишком свежо еще в памяти то поистине чудовищное расточение человеческого достоинства, человеческого труда и человеческого крови, которым оплачен был этот хозяйственный прогресс! Но, вопреки всем ошибкам, просчетам, диспропорциям и пр., которые были и остаются неизменным спутником «диктаторской» реконструкции, прогресс этот несомненен и прочен: из периода генлинии хозяйственный лик страны выходит еще более радикально переработанным, чем он вышел в свое время из эпохи Петра Великого. И подобно тому, как петровская эпоха упрочила и укрепила самодержавие потому, что именно ему выпало на долю быть исполнителем великой исторической необходимости, — подобно этому упрочившейся и окрепшей выходит из периода генлинии и «тоталитарная» Сталинская диктатура.

Но процесс грандиозной хозяйственной реконструкции и сопутствовавшей ей «тотализации» диктатуры не мог не сопровождаться колоссальными социальными сдвигами. О них мы не раз подробно говорили и дальше еще вернемся к их смыслу и значению. Здесь достаточно отметить, что за период генлинии из самых народных низов выдвинулся широкий слой организаторов и технических руководителей необычайно расширившегося и усложнившегося хозяйства. При всех недостатках этих наспешных обученных плебейских преемников и антиподов дворянских «недорослей» эпохи Петра Великого, без их помощи задача столь радикальной хозяйственной реконструкции не могла бы быть решена: того запаса научных, технических и организационных сил, который был унаследован советским режимом от

война стала фактом, мешал применению действительно эффективных санкций, которые в несколько недель поставили бы итальянский империализм на колени (прежде всего — эмбарго на нефть), и дал возможность самому Муссолини диктовать, какие санкции может Лига Наций к Муссолини применять. Франция спасла Муссолини, она обрекла Лигу Наций на жестокое поражение и нанесла непоправимый удар идее «коллективной безопасности». Она сделала все, чтобы заручиться союзом Муссолини против Гитлера. А в ответ — Муссолини заключил союз с Гитлером.

Со времени прихода Гитлера к власти и ускоренного вооружения Германии во внешней политике Англии доминировала одна мысль: предотвратить «разделение континента на два враждебных лагеря». Ради этого «национальное правительство» Великобритании пыталось обхаживать Гитлера, утихомирить его, дать ему удовлетворение, свести его с Францией. Англия не дала принять своевременно мер против германского вооружения. Англия защищала Гитлера, когда он в марте 1935 года восстановил, в нарушение договоров, всеобщую воинскую повинность и когда он, опять таки в нарушение договоров, занял рейнскую область и разорвал Локарнский пакт. Англия все снова и снова спасала Гитлера, как Франция все снова и снова спасала Муссолини. А результат этой политики? Объединенные Гитлер и Муссолини выступают против Англии и Франции. Разделение Европы на два враждебных лагеря, которому хотели помешать английские авансы Гитлеру, — налично.

Попытка западных демократий воспользоваться одним фашизмом против другого потерпела жалкое крушение. Она привела не к чему иному, как к колоссальному усилению обоих фашизмов. Она заканчивается созданием единого фронта обеих фашистских держав.

прошлого, явно не хватало. И что, с точки зрения дальнейших судеб революции, особенно важно: без помощи этого, из рабоче-крестьянских низов поднявшегося слоя диктатуре не удалось бы разгромить все политические поползновения тех остатков старых привилегированных сил, научные, технические и организаторские способности которых она в период генлинии еще гораздо более полно поставила на службу хозяйству страны, чем в период нэпа.

Правда, ей и тут пришла на помощь внешняя обстановка. Период генлинии начался тогда, когда мировой капитализм переживал еще расцвет «стабилизации». Самый приступ к реконструкции, как и обеспокоивавшие его теории «социализма в одной стране» и «существования» этого изолированного социализма с мировым капитализмом отражали с одной стороны, уверенность в прочности этой «стабилизации», а, с другой, сознание тех внешне- и внутренне-политических опасностей, которыми она грозила Советскому Союзу. Во внешне-опасность заключалась в нарастании военной угрозы, заставлявшей спешить с хозяйственной реконструкцией страны во имя ее обороны. Внутри — она выражалась в нарастании социально-политического самочувствия тех «спецов», котрым сознание своего громадного значения для этой реконструкции внушало горделивые мечты о «технократии». В этой начальной фазе периода генлинии только мерами беспощадной террористической репрессии и запугивания («вредительские» процессы!) удавалось диктатуре подавлять всякие проблески политической мысли и политического движения в этой, нужной ей среде: «спецы», заточенные в тюрьмах и концлагерях ГПУ и работающие под его командой, являются своего рода символом этой эпохи!

Но все социально-политические мечтания и надежды

**

Гитлер и Муссолини протянули друг другу в Вене руко-Германо-австрийское соглашение было предпосылкой и орудием их собственного сговора.

Шушницг хотел не этого соглашения, а реставрации Габсбургов. Но на реставрацию Габсбургов клерико-фашистские диктаторы могли бы решиться лишь в том случае, если бы Муссолини гарантировал им вооруженную защиту против интервенции Малой Антанты, прежде всего — Югославии. Решив сговориться с Гитлером, Муссолини отказал в защите реставрации. Закрыв Шушницгу этот выход, он вынудил его к заключению мира с Германией.

Что означает этот мир? Нелегальная борьба национал-социалистов против клерико-фашистской диктатуры сменяется легальным внедрением «национально-мыслящих» в аппарат ее господства. «Национально-мыслящие» проникнут в правительство и отечественный фронт. Их поддержка будет служить ободрением для замаскированных национал-социалистов, которые имеются в бюрократии, в армии, в полиции. Нелегальные листки национал-социалистов заменятся большими германскими национал-социалистическими газетами, которые будут легально продаваться на всех перекрестках. Нелегальные транспорты оружия и взрывчатых веществ из Германии сменяются наводнением Австрии германскими туристами, студентами, агентами, которые будут легально выставлять на показ национал-социалистические значки и знамена, и возвращением бежавших летчиков. Много-ли требуется воображения, чтобы предсказать, кто окажется сильнейшей стороной в новом германско-итальянском кондоминиуме над Австрией? Можно не понимать, что легальное пропитывание австрийского государственного аппарата «национально-мыслящими»

старых привилегированных слоев были еще раз морально-идеологически подорваны тем неизлечимым и всеобщим строящимся кризисом капитализма, который сопровождался и сопровождается быстрым ростом фашизма. Во второй фазис периода генлинии возрастающая часть этих слоев становится а-политичной и преданной щедро награждающей их тоталитарной диктатуре уже не страх, а за совесть: вряд-ли в какой-либо среде имеет Сталин более искренних «обожателей».

В таком состоянии вступает Советский Союз в четвертый период большевистской революции — период, который по праву можно назвать заключительным: закончив цикл разрушения старого экономического, социального и политического порядка, становления хозяйства и широчайшей реконструкции, революция вступает в период, когда, на основе разрешения задач всех предшествующих периодов, она стремится подвести им политические итоги, «стабилизировать» в прочных политических формах новые, на собственных недр рождающиеся социально-политические отношения. Исторической вехой, отмечающей этот этап большевистской революции, и является «сталинская» конституция.

В ряде статей «СВ» уже дал политико-правовой анализ этой конституции и политико-правовую критику ее. Но необходимо отдать себе ясный отчет в другой стороне проблемы, а именно в том, какие социально-политические перспективы открывает отмечаемый ею новый завершающийся период большевистской революции. Только в свете этих перспектив может быть решен вопрос о задачах и судьбах нашей собственной партии в этот период.

очень скоро окажется для «независимости» Австрии опаснее, чем могла когда-либо стать нелегальная борьба национал-социалистов против государственного аппарата?

Что соблазнило католиков - демократов и еврейских буржуа к поддержке клерико-фашизма, — так это убеждение, что он будет несокрушимой плотиной против прорыва национал-фашизма. И это-же убеждение заставляло всех соглашателей настоятельно советовать нам поддерживать клерико-фашизм как «меньшее зло», как оплот против национал-фашизма. Ныне все соглашательские иллюзии разбиты. Все надежды использовать один фашизм против другого потерпели жалкое крушение и в Европе, и в Австрии. И в Австрии они заканчиваются образованием единого фронта обоих фашизмов. Они заканчиваются тем, что черный фашизм распаивает настежь ворота фашизму коричневому.

**

Франция, Советский Союз и Чехословацкая республика связаны между собою «пактами о взаимопомощи». Изюмом в день германская пресса твердит: эта система союзов и является препятствием к умиротворению Европы! Не будучи в состоянии взорвать систему франко-русско-чехословацкого союза, Гитлер хочет противопоставить ей внушительный фашистский блок.

Разделение Европы на два враждебных лагеря стало фактом. На одной стороне — Франция, Советский Союз, Малая и Балканская Антанта, на другой — Германия с ее польским союзником и Италией с ее вассальными государствами: Австрией, Венгрией, Албанией. Решенные находятся в руках — Англии.

Если бы Англия встала недвусмысленно и решительно на сторону Франции и Советского Союза, то против еди-

ного фронта фашизмов стоял бы гораздо более мощный фронт буржуазных демократий запада и пролетарской демократии востока. В этом случае объединенный анти-фашистский блок принудил бы фашистский фронт к миру, к спокойствию, к соблюдению договоров. В этом случае колеблющаяся Польша была бы вырвана из фашистского блока, цели, ради которых Гитлер и Муссолини объединяются, стали бы недостижимыми, а за бесцельностью и бесперспективностью расколотся бы вскоре и сам единый фронт фашизмов.

Другое дело, если Англия будет колебаться, продолжать выступать в роли посредника и пытаться по-прежнему привлечь Гитлера на свою сторону уступками, которые лишь усиливают его мощь и повышают его требовательность. Если Англия будет продолжать идти этим роковым путем, то в Средней Европе стабилизируется фашистский блок, мощь которого будет привлекать к нему новые государства и обеспечивать ему господство в Средней Европе и антагонизм которого к Франции, Советскому Союзу и их союзникам приведет в конце концов к кровавой катастрофе.

Среди господствующих классов Англии имеются влиятельные группы, которые были бы не прочь воспользоваться Гитлеровскою Германиею и ее союзниками как наемниками мирового капитализма против Советского Союза. Они не хотят поэтому никаких прочных связей с франко-русской группой. Среди империалистических господствующих классов Великобритании имеются и много групп, которые, в виду крупных заокеанских интересов британского капитала, не желают принимать на себя связывающих обязательств на континенте, хотят сохранить свободные руки. Но эти контр-революционные и империалистические интересы британских капиталистических групп находят опору в опасении британских народных масс, что связь с той или другой из обеих кон-

2. Социалдемократия в большевистской революции.

В отличие от всех других оппозиционных большевизму и не участвовавших в октябрьском перевороте партий, российская социалдемократия, после недолгого периода колебаний, решительно встала — благодаря главным образом Ю. О. Мартову — на почву признания результатов этого переворота исторически обусловленной и потому исторически неизбежной фазой революции трудящихся масс и, в частности, того рабочего класса, политическим представительством которого она хотела быть и оставаться. И эту фазу российской революции она рассматривала не в ее национальной и изолированности, а в ее интернациональной связанности — в ее взаимодействии с борьбой международного рабочего класса за социализм, в которой она видела основное историческое содержание после-военной эпохи.

Поэтому за все периоды большевистской революции основная тактическая линия социалдемократии была ориентирована не на «революционное» (а на контр-революционное) и низвержение советского режима и возмущавшей его большевистской диктатуры, а на их революционное реформирование. Она никогда не пыталась повернуть колесо революционной истории назад (хотя бы и «февралю»), а, наоборот, искала наиболее рациональных путей для движения вперед. Считая Россию страной, по своей социальной-экономической и культурной отсталости неспособной самостоятельно «осуществить социализм», социалдемократия — в соответствии со своей оценкой общего характера после-военной эпохи — никогда не звала советскую революцию «назад к капитализму», никогда не выдвигала лозунга возврата к разрушенным этой ре-

волюцией социально-экономическим отношениям. Конечно, в известные периоды революции социалдемократия допускала историческую неизбежность восстановления известной доли этих отношений, как допускали ее в период напа и сами большевики, с Лениным во главе. Но при этом социалдемократия стремилась свести это неизбежное зло к минимуму, стремилась найти и указать рабочему классу и всем трудящимся позиции, позволяющие сохранить Советский Союз в качестве активного участника общей борьбы мирового пролетариата за социализм и, в рамках этой борьбы и ее успехов, обеспечить его собственное продвижение к социализму. Социалдемократическая критика советского режима никогда не была ни догматической, ни реакционной, ни ограниченной националистической. Она всегда была диалектической, революционной - прогрессивной и интернационалистской.

Социалдемократия никогда не выступала против диктатуры пролетариата или диктатуры трудящихся. Наоборот, она считала и считает, что такая диктатура составляет исторически неизбежную и необходимую фазу социалистической революции, поскольку угрожаемые или низвергнутые этой революцией привилегированные классы прошлого организуют экономическое или вооруженное сопротивление ей. Но, вместе с Розой Люксембург, она считала и считает, что диктатура трудящихся не только совместима с демократией трудящихся, но лишь на ней может быть прочно основана. Поэтому, как сказали еще в 1922 году написанные Мартовым «апрельские тезисы», социалдемократия выступала и выступает не против диктатуры трудящихся, а против террористического и бюрократического вырожде-

тинентальных коалиций снова, как то было в 1914 году; вовлечет их в континентальную войну. Таким образом тенденции различной классовой окраски, интересы и соображения противоположного порядка одинаково мешают Англии стать определенно и решительно на сторону одной из континентальных коалиций в их конфликте. Роковая нерешительность и двусмысленность британской политики поддерживается целой системой предрассудков, господствующих над британским общественным мнением.

Тут прежде всего надо отметить «принцип невмешательства». В дела чужих стран не следует вмешиваться. Ко всем государствам, как бы они ни управлялись, следует относиться миролюбиво, одинаково примирительно, одинаково дружественно. Как будто можно так строго разделять внутреннюю и внешнюю политику! Как будто тот самый фашистский «динамизм», который насильственно поработает народные массы собственной страны, не толкает и к насильственной внешней агрессивности и экспансии! Как будто это дело чистого случая, что ныне все фашистские державы объединяются в единый блок против мирных государств!

Далее — отрицательное отношение ко всяким союзам. Всякий союз, говорят часто в Англии, может вовлечь нас в войну, которой мы не желаем. Но союзы создаются — на другой, фашистской стороне. Не противопоставлять им сплочения сил, достаточно мощного, чтобы отпугнуть их от нападения, — это как раз и значит накликать войну!

Затем — нежелание гарантировать границы на востоке и юговостоке Европы. Англичане готовы защищать Англию на Рейне; но не хотят подвергаться риску войны из за границ на востоке, в которых Англия непосредственно не заинтересована. Но, если предоставить Гитле-

ру и Муссолини свободные руки на востоке и юговостоке Европы, то восточная война неизбежно зажжет пожар и на западе!

Ничто не было бы сейчас так необходимо, как мощная, идейно - притягательная, энергичная сила, ставящая себе задачу и способная побороть эти популярные предрассудки и укрывающиеся за ними интересы и широкой кампанией утвердить в общественном мнении и внимание того, что, если что может спасти мир, то это прочная смычка Англии с Францией и Советским Союзом против фашистского блока! Союз свободных народов против воинствующих деспотий! Мужественная, энергичная, воспламеняющая воображение, воодушевление и волю народных масс борьба за мир, как борьба за свободу против объединенного фашизма!

Такой силой должен был бы быть Рабочий Социалистический Интернационал, ею должна была бы быть в первую очередь, британская Рабочая Партия, так как Англия играет тут решающую роль. Но выполняющая-ли РСИ и Рабочая партия эту свою задачу?

Для приступа к ее выполнению, прежде всего, английская, русская и французская рабочие партии и профсоюзы должны были бы начать совместную борьбу за создание единого фронта этих трех государств против единого фронта фашизма, пытаться преодолеть алтарнизы, разделяющие эти государства, мобилизовать их народные массы на борьбу против фашистского блока, угрожающего миру. Поэтому мы и предложили майской сессии исполкома РСИ созыв конференции представителей партий этих трех стран, и наши французские друзья поддержали это предложение на своем партийном съезде. Поэтому и требовали профсоюз Норвегии, Франции, Испании, Мексики на июльском международном конгрессе профсоюзов соглашения между за-

и я ее, обращающего меч диктатуры уже не против привилегированных классов прошлого, а против самих трудящихся, носителей революции. На всем протяжении большевистской диктатуры социалдемократия не скрывала, что ее политической целью является демократизация советского режима или иначе — демократическая ликвидация террористической диктатуры. Но свои надежды в этом смысле она возлагала единственно на возрождение демократического сознания и организационной самостоятельности тех самых трудящихся масс, которые в ходе своей революции вознесли эту диктатуру к власти. Возрождения же этого она ждала не от банкротства большевистской фазы революции, а, наоборот, от развития и укрепления тех экономических, социальных и культурных завоеваний и достижений, которые революции удалось осуществить под руководством большевистской диктатуры — несмотря на ее бюрократическое и террористическое вырождение.

Этой «мартовской» линии социалдемократия оставалась верна на всем протяжении большевистской революции. Ей обязана она способностью давать на все вопросы внутренне - политического, внешне - политического и международно - пролетарского порядка конкретные ответы, меняющиеся, конечно, соответственно меняющимся конкретным условиям и задачам, но последовательно связанные единством рабоче - классовой, революционно-социалистической идеи. «Мартовская» линия избавила социалдемократию от столь рокового в бурные революционные эпохи для всякой партии догматического окостенения в традиционных, но переживших себя представлениях, формулах и лозунгах, позволила ей, — не поры-

вая с основами своего мировоззрения, а наоборот, исходя из них и их укрепляя, — идейно - политически перевооружиться и стать вровень с новыми требованиями новой эпохи: и меньшевизм выходит из большевистской революции совершенно иным, чем он был до нее. Но только этому преодолению идейно - политической косности и консерватизма, только этому радикальному самопробраванию обязана наша партия своим самосохранением в качестве живой силы в эпоху, когда радикально преобразовались все условия, методы и задачи борьбы того рабочего класса, политической предельницей которого она хочет быть.*)

В октябре 1917 года социалдемократия потерпела стохастическое поражение, отдалившее ее от трудящихся масс делавших свою революцию под большевистским знаменем. Втечение почти двух десятилетий большевистская диктатура подвергает ее беспощадным преследованиям, душит ее слово и печать, разбивает ее организацию, выгоняет ее в глубочайшее подполье, лишает ее всякой возможности сколько -нибудь широкого и регулярного общения с классом, в котором она только и может черпать свои силы, — классом, личный состав которого к тому

*) Разумеется, говоря о «мартовской» линии социалдемократии, я не забываю об «уклонах», существующих в нашей партии, как и во всякой партии в мире. Этими «уклонами» будут оперировать в нападках на социалдемократию большевики, которые, однако, как известно, и сами на скусодности «уклонов» пожаловаться не могут. Но с «уклонами» наша партия боролась и борется — конечно, не методами политической - террористической репрессии, которыми распорядились большевики и которыми они считают возможным пользоваться, а методами, единственно приличествующими партии, представляющей собою свободный союз единомышленников и самое дисциплину основывающей на принципах организационной демократии.

падно - европейскими и советскими профсоюзами. В обоих случаях эти предложения натолкнулись на внутренние - политические соображения и опасения английских, голландских, скандинавских, чехословацких партий и профсоюзов. Но единый фронт фашизма заключен! Дело идет о всеветном мире и о свободе европейского континента. А мы все еще оказываемся неспособными организовать в противовес единому фронту фашизма антифашистский единый фронт спасения свободы и мира!

Но вот слова, сказанные на лондонском конгрессе профсоюзов председателем РСИ, Луи Де-Брукером:

«Большую тревогу вызывает у нас сейчас защита мира. Правительства оказываются неспособными организовать мир. Последние события в Женеве производят впечатление трагического фарса. Такое положение повелительно диктует необходимость добиться в той или иной форме единства рабочего класса. Наступил момент, ставящий нас перед альтернативой: единство или смерть! Я говорю это с полным оптимизмом, ибо я знаю, что рабочий класс хочет жить».

(«Кампф»).

Отто Бауэр.

Правовой порядок или произвол?

Между самыми ответственными руководителями «советского правосудия» разгорелась газетная полемика. Антонов - Саратовский, Вышинский, Крыленко скрестили свои шпаги на страницах «Правды» и «Известий».

Борьба ведется, как будто, вокруг вопросов административно - организационных. В ней большую роль несомненно играют ведомственные раздоры и чиновничье местничество. Представитель Верховного Суда отстаивает права и привилегии своей коллегии; генеральный прокурор Вышинский защищает прерогативы прокуратуры, а Наркомюст Крыленко ревниво отвергает притязания обоих претендентов и ратует за сохранение первенствующей роли своего Наркомата. Но за всеми этими мелкими ведомственными препирательствами скрывается гораздо более важный политический и принципиальный спор — вопрос о независимости суда.

Проект новой конституции посвящает, как известно, очень много внимания реформе суда в Сов. Союзе. Он

устанавливает, во-первых, выборность всех судей, причем народные судьи должны избираться населением на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права; во-вторых, независимость судей; в третьих, подчинение судей только закону; в четвертых, несменяемость судей в течение определенного, установленного законом срока. Он устанавливает затем и существование прокуратуры, как независимой системы; правда, органы этой системы, в отличие от суда, не избираются, а назначаются сверху до низу, но они подчиняются исключительно центру (Главному Прокурору Союза) и таким образом совершенно изъются от всякого подчинения местным органам власти.

Такого рода реорганизация аппарата юстиции представляет собою несомненный прогресс по сравнению с тем положением, которое существовало в Союзе до сих пор; эта реформа действительно могла бы явиться приближением к той демократизации, которая является оф-

де совершенно обновился с 17 года и которому большевистские монополисты пропаганды и агитации систематически внушают презрение и ненависть к социалдемократии. И, несмотря на это, социалдемократия сохраняет свои позиции в Советском Союзе — не только в виде подпольных организационных ячеек, но, что гораздо важнее и значительнее, в виде живого коллектива, прочно связанного единством не неподвижности, а развития: политической мысли, политических настроений даже тогда, когда члены этого коллектива годами пребывают в вынужденном распылении и отделены друг от друга тысячами километров и десятками пограничных рвов. Более того: российская социалдемократия сохраняет свои позиции и в Рабочем Интернационале — не как мертвый груз его, а как активная участница в формировании международной социалистической мысли и в разрешении встающих перед международным пролетариатом новых задач. Только «мартовская» линия, беспощадная к догматической и консервативной инерции нашего собственному политическому мышлению и потому суженная объективно подойти к оценке национальных и интернациональных условий и перспектив большевистской революции и тем самым идейно - политически «обновить» меньшевистский интернационализм, — только эта линия дала российской социалдемократии возможность такого преемственного самосохранения, граничащего поистине с «чудом».

Но, как ни велико это «чудо», нельзя забывать, что наша партия существует сейчас не как массовая партия рабочего класса, а лишь как возможный зародыш такой партии в будущем, лишь как воплощение суммы социальных-политических идей, вокруг которых смогут в будущем сплотиться наново рабочие массы. Через все периоды большевистской революции она преемственно пронесла уверенность в своем будущем возрождении, сознание своей исторической «нужности» и исторической миссии. Но

закончились и разрушительный, и восстановительный, и реконструктивный циклы этой революции, и она вступает в свой заключительный, итоговый период. Удастся ли социалдемократии в этот последний период большевистской революции пожать плоды своей долготелней тактической линии, пустить новые корни в массовую рабочую почву и увидеть свои надежды на преемственное возрождение свое осуществленными? И где должна она искать путей, на какие силы и на какие тенденции может она опереться для достижения этой цели, которая только и оправдывает все те жертвы, на которые она шла, все те страдания и лишения, которые в течение столь долгих лет мужественно и самоотверженно несут ее лучшие сыны?

Только в анализе социально - политических перспектив нового, заключительного периода большевистской революции надо искать ответа на эти вопросы. И только подходя к этому анализу с тем же объективизмом, тою-же готовностью без колебания отбросить все, ставшие уже привычными, но исторически устаревшие и пережившие себя формулы, с которыми мы, по завету Мартова, старались подходить к анализу всех предыдущих периодов революции, можно найти этот ответ, можно дать основным тактическим идеям социалдемократии то новое конкретное выражение, которого требуют новые условия нового периода — наметить ту новую тактику, необходимость которой, как свидетельствует печатаемое ниже письмо (см. отдел «По России»), наши товарищи в Советском Союзе немедленно ощутили с такою - же определенностью, как и мы здесь, за границей.

Ф. Дан.

(Окончание следует)

На складе Социал. „Вестника“ имеются следующие издания :

ЦЕНА ВО ФРАНКАХ
для подписчиков „Соц. Вестн.“
Вместо: 40% скид.

Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тупике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,60
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,00
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
А. Jugow: Le Plan Quinquennal.	25,00	20,00
O. Domanewskaja: Agrarsozialismus in Sowjetrußland.	12,00	10,00
Th. Dan: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.		1 fr.
R. Abramovitch: Les Prisonniers politiques dans la République des Soviets.		6 fr.
S. Schwarz: Lénine et le mouvement syndical.		6 fr.

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!

фициальной целью новой конституции. Создание авторитетного суда, действительно стоящего над бюрократией и независимого от нее, параллельно с созданием независимой прокуратуры, не подчиненной влиянию партсекретарей и иных местных самодержцев, должно было безусловно входить в планы творцов новой конституции, поскольку они стремились действительно к рационализации советского аппарата, к административному очищению его от непригодных и паразитарных элементов и к устранению произвола и созданию какого-то порядка, основанного на революционном законе.

Однако, упомянутая газетная полемика между советскими сановниками и в частности заявления Наркомюста Крыленко способны вызвать самые серьезные сомнения относительно искренности этих намерений и действительности намеченной судебной реформы.

Антонов - Саратовский стремится принять судебную реформу и, в частности, независимость суда в серьез. Бичуя отсутствие действительно независимой юстиции в большинстве буржуазных стран (и при этом, как водится, малость привирая), он противопоставляет буржуазно-классовой юстиции суд советский, как «единственный в мире свободный и подлинно - независимый суд трудящихся».

«Проект новой конституции — пишет он в «Правде» от 29 июня — защищает судью от всяких посторонних воздействий, от всяких попыток так или иначе повлиять на приговор» (к. н.). Причем, для полной ясности, автор далее указывает, что на точном основании ст. 112, Наркомюст не только не может давать никаких приказов и указаний судам, но даже не вправе разъяснять или толковать законы, ибо право это принадлежит только Президиуму Верховного Совета. Другими словами, под «посторонними воздействиями» надо понимать и воздействие Наркомюста.

Вышинский (в статье в «Правде» от 19 июля) идет еще дальше. Если Антонов - Саратовский допускал, что прокуратура, как орган юстиции, «должна находиться

в связи с Наркомюстом», генеральный прокурор Вышинский возражает и «против этой расплывчатой фразы» и требуют полной независимости и суда и прокуратуры от Наркомюста.

Опять-таки облыжно уверяя советского читателя, что избрания судей на основе «четыреухвостики» «не знает ни одна самая демократическая страна в мире», Вышинский категорически настаивает на том, что только независимый и подчиняющийся только закону судья является действительным глашатаем законности». На этом основании Вышинский никак не может согласиться с Крыленко, который в «Известиях» (от 12 июня) писал, что «за Наркомюстом должно быть оставлено право делать соответственные предложения соответственным судам». Что это за «соответственные предложения»? лицемерно удивляется Вышинский. И, идя еще дальше в своем коварстве, забывая (или делая вид что забыл) свою собственную совсем недавнюю деятельность в «процессе меньшевиков» и других аналогичных судебных комедиях; наконец, зная, что Крыленко не сможет публично ответить, Вышинский довольно нагло спрашивает Наркомюста: «О каком воздействии на суд со стороны прокурора говорит тов. Крыленко? Мне такие факты неизвестны»...

Целых 8 дней Крыленко готовился к решительному ответу своим супостатам. За это время, если судить по его безапелляционному тону, «согласовал» свои «авторитетные заявления» с кем следовало.

И ответ этот не оставляет больше никаких сомнений в том, по какому пути пойдет в действительности «великая сталинская судебная реформа».

«Свободный и независимый в решении каждого конкретного дела, суд должен получать постоянные систематические руководящие указания, передающие ему волю правительства... в борьбе с теми или иными дезорганизующими быт, общественно - опасными действиями». И эти «указания», передаваемые через Наркомюст, будут обязательными для суда.

Стало быть, не на основании закона только, а также и по обязательным распоряжениям правительства будет творить правосудие новый советский суд. И если эти распоряжения придут в конфликт с законом, то тем хуже для закона. Ибо «всякое иное толкование — многозначительно прибавляет Крыленко — будет означать, что суд понимается... в смысле независимости в своей политике от политики правительства и государства в целом». «Такая теория независимости — включает глубокий государствовед — ничего общего не имеет с советским строем, самым демократическим в мире».

Итак, степень демократичности строя измеряется степенью его зависимости от правительства: чем больше суд зависит от правительства, тем более демократичен строй.

Итак, «выборные» и «независимые» советские судьи и при новой конституции будут получать от Крыленко (или от ГПУ через Крыленко) «задания», которые они обязаны будут выполнять. Итак, и при новой организации сов. юстиции судам можно будет приказывать приговаривать к жестоким карам «зиновьевско - троцкистского отребья», хотя бы на точном основании закона в их действиях не заключалось состава преступления (если бы заключалось, то ведь не надо было бы особых «указаний»). Итак, и при новом порядке можно будет устраивать «процессы вредителей» и «Союзного Бюро меньшевиков».

Не опасно ли тогда цитировать в советской прессе Димитрова, сказавшего, что «фашизм и правовая система — две вещи совершенно несовместимые, что фашизм является отрицанием какого бы то ни было правового порядка, что фашизм — это по существу произвол?»

Реформа конституции, Наркомтруда и профсоюзы

Профсоюзы давно уже стали у нас полу-государственными организациями, а с 1933 г., когда было произведено «объединение» Наркомтруда с ВЦСПС, т. е. и действительности упразднение Наркомтруда с перенесением его прав и обязанностей на центр профсоюзов, полу-государственный характер профсоюзов получил у нас и формальное признание. 1-ый секретарь ВЦСПС (Шверник) вошел при этом — на правах руководителя ведомства труда — в состав Совнаркома. Правда, прямо никогда об этом не говорилось. Но имя Шверника (или то одного, то другого его заместителя) не раз мелькало в отчетах о заседаниях Совнаркома, а в прошлом году был как-то напечатан в «Правде» фотографический снимок, снятый во время заседания СНК, и здесь в числе участников заседания можно было видеть и Шверника.

Правда, ведомство, которое представлял Шверник в Совнаркоме, не имело здесь большого веса, да и серьезная личность руководителя этого ведомства была такова, что он мог играть в Совнаркоме лишь роль чиновника, через которого отдаются распоряжения по определенной отрасли государственного управления, но отнюдь не роль представителя «миллионов профессионально организованных рабочих». Это, впрочем, в полной мере отвечало и создавшемуся положению в стране, в которой профсоюзы за последние годы превратились в оказанные организации, лишенные почти всякого влияния.

При выработке новой конституции вопрос о роли профсоюзов в системе советской государственности неизбежно должен был встать вновь. Открыто включить ВЦСПС на правах Наркомата в число высших органов государственного управления авторы проекта конституции не решились. И не только потому, что после этого уже невозможно было бы поддерживать фикцию о «свободном», «массовом», «общественном» характере профдвижения в Советском Союзе. Может быть, в гораздо большей степени на авторов новой конституции влияли при этом иные соображения: признание ВЦСПС ведомством труда находилось еще в каком-то соответствии с господствовавшей до сих пор официальной теорией «рабочего государства»; в новейшем «народном» государстве такая конструкция ведомства труда становилась явным анахронизмом.

Казалось бы естественным в этих условиях восстановить в новой конституции Наркомат Труда. Но об этом и слышать не хотят. А в результате, как это на первый взгляд ни кажется невероятным, — по новой конституции вообще не существует государственных органов, ведающих вопросами труда.

И это, конечно, совсем не случайность, а лишь наглядное выражение того отхода от социальной политики, который характерен для всего новейшего развития Советского Союза: вопросы труда рассматриваются исключительно с хозяйственной точки зрения, разрешение их все более отходит в ведение хозяйственных наркоматов*, которые отбрасывают сейчас всякие условности и уже не пытаются сохранять даже и вид-

мости разрешения вопросов труда при участии профсоюзов. Вот в конце июня состоялось очень интересное пятидневное заседание Совета при Наркомпряхе, посвященное главным образом вопросу о повышении производительности труда. В этой своеобразной всесоюзной конференции приняли участие несколько сот человек: руководители Наркомата и его отделов, директора предприятий, начальники цехов, отдельные выдающиеся инженеры, политработники на предприятиях и рабочие-стачаювцы; но даже председатели ЦК соответствующих профсоюзов — не говоря уже о прочих профработниках — на совещание приглашены не были. В этом значении времени. А, может быть, в принципе и предвосхищение того порядка рассмотрения вопросов труда, который намечает будущая конституция.

Проект конституции «передан на широкое обсуждение трудящихся». В газетах каждый день печатаются предлагаемые отдельными гражданами или группами граждан «поправки и дополнения» к проекту. Есть тут и немало предложений — частью легкомысленных частью продуманных — о создании новых наркоматов. Но в числе опубликованных предложений нет ни одного о создании вновь Наркомата Труда. Можно ли допустить, что мысль о Наркомтруде никому не приходит в голову? Конечно, нет. Но то ли ее не решаются даже высказать, то ли — и это наиболее вероятно — высказанная, она упорно замалчивается казенной печатью. И это тоже характерно для той атмосферы «свободы» обсуждения проекта конституции, которая царит в «самом демократическом государстве в мире».

Но загоняемая пока в подполье, мысль о месте органов труда в системе новой советской государственности неизбежно вскоре прорвется наружу. Вопросы политики труда в будущем демократизирующемся Советском Союзе должны иметь свое место. Как всякая страховая политика, политика простого отмалчивания от самой постановки этой серьезной проблемы не может не потерпеть полного фиаско.

Вопрос о восстановлении Наркомтруда неизбежно встанет вскоре в порядок дня. Для профсоюзов это будет шагом вперед на пути к их раскрепощению, к превращению их в массовые, самоуправляющиеся рабочие организации. Правда, проблема возрождения в Советском Союзе профессионального движения, как подлинного, проникнутого духом самодеятельности массового рабочего движения, освобождением профсоюзов от правительственных функций еще только ставится, но отнюдь не разрешается. Но когда она встанет перед сознанием рабочих масс, решение ее уже не заставит себя долго ждать.

С. Ш.

Расхитители Соцстраха

Есть одна область в изменчивой и быстротечной советской жизни, которая поражает своей неизменностью и постоянством: это мир советской криминалистики. В этом мире советской преступности, особенно, в области должностных преступлений, ведется какое-то свое, ползучее летоисчисление. На дворе может быть нэп или третий год второй пятилетки — субъекты, совершающие преступления, характер правонарушений и методы их «работы» в сущности одни и те же...

27-го июня, после двадцатидневного разбирательства Верховный суд УССР вынес в Киеве приговор по делу

* Характерно, что и в хозяйственных наркоматах господствует тенденция к уничтожению специальных органов, ведающих политикой труда, и к передаче вопросов труда в ведение «плановых» и «оперативных» отделов. Не так давно «С. В.» отметил промелькнувшее в советской печати сообщение об упразднении отдела труда Наркомтяжпрома. И хотя советские газеты — с характерной для них сдержанностью, когда речь идет о вопросах труда, — молчат об этом, можно не сомневаться, что примеру руководящего промышленного наркомата последовали и прочие хозяйственные наркоматы.

работников Совета профессиональных союзов Украины: свыше 5 миллионов государственных средств разбазарены, свыше полумиллиона украдено, тысячи путевок в дома отдыха и санатории проданы ими на сторону. Главные обвиняемые — бывший председатель респуоликанской кассы социального страхования при Наркомтруде Украины, а затем он же член президиума Украинского Совпрофа — Кравченко, директор управления домами и санаториями Украины — Синельников и главный бухгалтер бюро социального страхования — Дубровский приговорены к расстрелу, 1 обвиняемый покончил с собой до суда, 14 остальных и их сообщники приговорены к лишению свободы и принудительным работам на различные сроки (от 10 лет до 1 года).

Общественный обвинитель, секретарь ВЦСПС А б э л и н неслучайно упомянул в своей речи достопамятное Смоленское дело и Астраханщину, прогремевшие еще на заре первой пятилетки. Киевское дело вряд ли в чем нибудь уступает своим старшим братьям. Разница лишь в том, что и в Смоленском, и в Астраханском деле речь шла о хозяйственниках, здесь же перед слушателями развернулась профсоюзная панама.

Передовая «Труда» (от 29-го июня), посвященная урокам этого процесса, хотя и клеймит обвиняемых, как «шайку воров», «банду жуликов» и как «остатки эксплуататорских классов», — все же не может скрыть самого главного: преступники — кость от кости советского профсоюзного аппарата, самая продолжительность их безнаказанной «деятельности» была возможна только потому, что большинство из них занимали в нем ответственные посты и были интимно связаны с могущественной верхушкой профсоюзной бюрократии. Вот почему, действительно желая «извлечь уроки» из этого громкого, еще небывалого «в истории советского профдвижения» дела, нужно не столько всматриваться в личности отдельных обвиняемых, сколько добросовестно разобраться во всей обстановке громоздкого бюрократического аппарата, работающего вне свободного общественного контроля трудящихся, которая автоматически и плодит и преступления, и их исполнителей.

Деятельность главных обвиняемых — Кравченко и Дубровского — началась еще в Украинском Наркомтруде в 1932 году, когда при помощи бухгалтерских махинаций им удалось создать особый «резервный фонд» из полумиллиона рублей. После слияния органов Наркомтруда с профсоюзами Украины Кравченко, уже в качестве заведующего бюро соцстраха Совета профсоюзов Украины, а Дубровский — на посту начальника планово-финансового сектора — быстро довели этот «резервный фонд» до 5 с лишним миллионов рублей. В Государственном Банке этот фонд не имел, конечно, текущего счета. Он учитывался в бухгалтерии под разными таинственными наименованиями. Для высвобождения фонда обвиняемые выработали несложную технику получения наличных средств. Директор управления домами отдыха и санаториями Синельников давал распоряжение местному отделению банка о переводе денег на строительство санатория или дома отдыха. Банк деньги выдавал начальнику означенного строительства, а тот, будучи в курсе «предприятия», привозил их Синельникову. Значительные суммы из резервного фонда расходовались на покупку годовых железнодорожных билетов, путевок на курорты «всесоюзного масштаба», на приобретение роскошных квартир, на премии приближенным. Обвинительный акт перечисляет большие суммы, израсходованные на подарки и содержание женщин. Помимо сумм резервного фонда, обвиняемые расхищали бланки путевок в санатории и дома отдыха и открыто торговали ими. По самым приблизительным подсчетам за неполный 1935 год они присвоили себе 2 тысячи таких путевок. Так как наличных денег, поступавших путем всяких сложных операций из санаториев все-таки не хватало,

обвиняемые придумывали все новые источники поживы, вовлекая все новых людей.

Раскрывая на суде картину «деятельности» обвиняемых, Аболин должен был констатировать, что хищения производились во многих местах: «Воровали при строительстве дома профработников в Харькове; воровали при строительстве и ремонте дач «Соколыники» и «Святошино» в Киеве; воровали при строительстве жилого дома Совпрофа в Киеве».

Само собой понятно, что такой процесс не мог пройти незамеченным. Каждое вечернее заседание суда посещалось огромным количеством рабочих и служащих. И вот, чтобы не слишком заострять внимание на том, что большинство обвиняемых ответственные работники и коммунисты, корреспонденты профсоюзного «Труда» с тем большей радостью ухватилась за одного обвиняемого, которого можно было попрекнуть за «меньшевизм». Но и решительно не повезло с этим «меньшевиком»: «меньшевизмом» инженер Шефтанов грешил на студенческой скамье и из партии ушел оудто бы в 1915 году, откровенно — цинично связав выход из партии со своим «улучшившимся материальным положением». Но неутомны растленные перья: «21 год прошел с тех пор, как он, Шефтанов, порвал с меньшевизмом — пишут они из зала суда — но меньшевистская идеология: угодничество, подхалимство, беспринципность сохранились в нем до сих пор!» Бичевание «меньшевизма» за подхалимство и угодничество здесь надо понимать «духовно», согласно поговорке: свекровь кошку бьет, невестке наветку дает. Ибо разбор всего этого дела прежде всего обнаружил картину ужасающего морального и бюрократического перерождения верхушки Украинского профаппарата. Вот почему общественный обвинитель увидел себя вынужденным в порядке «большевистской самокритики» «открыто перед рабочими массами Украины и всего Советского Союза вскрыть большие и серьезные болячки профсоюзного аппарата». Впрочем, вчитываясь в речь Аболина, думаешь, что большевистская «самокритика» страдает старческой немощью: обещая вскрыть «болячки», Аболин ограничился ложноклассической патетикой о «потере революционной бдительности», об «отрыве от масс», «забвении элементарных принципов пролетарской демократии» и «прямом бюрократическом перерождении» отдельных членов этого аппарата. По существу же его речь служила не вскрытию этих болячек, не попытке разбудить общественную активность, а довольно прикровенно смазывала существо профсоюзных недугов.

Это станет особенно понятно, когда вникаешь в социально-политическую характеристику обвиняемых, данную Аוליным. Эта характеристика, как и вся аргументация — стандартны и заимствуются из железного фонда коммунистической реторики всякий раз, когда авторитету советской бюрократии грозит опасность.

Смысл этой аргументации сводится к тому, что, хотя «эксплуаторские классы в нашей стране полностью ликвидированы» и «социализм победил полностью и безповоротно», «сопротивление гибнущих классов сейчас приобретает особо острый характер»: «Шайка жуликов», представшая перед советским правосудием, и воплощает это «сопротивление гибнущих классов». Но вдохновители обвиняемых — Кравченко — сын шахтера и сам в недавнем прошлом шахтер, Синельников коммунист с 1918 года! Почему «гибнущие классы» доверяют выполнение своих черных замыслов людям, которые никогда не были в их среде? — это остается тайной общественного обвинителя, здесь мы вступаем на почву советски-бюрократического мифотворчества, неумело разукрашенного цветами марксистской фразеологии. И все-же было бы ошибочно пройти мимо этой всегда повторяющейся в последние годы аргументации о «сопротивлении гибнущих классов».

На разных этапах революции советская бюрократия создавала для себя соответствующий гром о т в о д. Первый громootвод был ею создан на заре нэпа и назывался «маленькими недостатками механизма». Годы шли, бюрократия росла, росли и «маленькие недостатки», хотя и щеголяли по-прежнему в детских костюмчиках «исполадок». Но в начале генеральной линии, в пору насильственной коллективизации перед сознанием широких кругов советской бюрократии впервые во весь свой трагический рост встало живое сопротивление крестьянства. Тогда возникло, вернее оделось в плоть, и «сопротивление гибнущих классов». Оно было тогда кровавой реальностью и оно долго жило, а, может быть, и еще живет в памяти советской бюрократии. Сейчас сопротивление крестьянства давно сломлено, колхозы начинают хозяйственно крепнуть. Откуда же сейчас может возникнуть особо «острый характер» этого сопротивления?

Политические формулировки редко бывают случайны. Несомненно «сопротивление гибнущих классов» у советской бюрократии играет, с одной стороны, роль шифра, должностящего всегда напоминать ей о том моменте, когда она сама чуть было не слетела под откос истории; с другой — «сопротивление гибнущих классов», которое чаще всего обнаруживается именно в недрах советской бюрократии и ее аппарата, облегчает ей — отдав на заклятие пораженных козлиц, выйти с наименьшими потерями для своего престижа, как надклассового организма.

Вот почему, обнаружив очередную вылазку «гибнущих классов», за которой на самом деле скрываются органические и имманентные пороки диктаториального режима, советская бюрократия вкупе со всей печатью призывает к очередной «бдительности», бичуя «притупление бдительности», «ослабление бдительности», «ослабление большевистской зоркости». Дело не в «бдительности» — этой мифической панацее от всех бед, а в отсутствии демократии. Ибо только радикально проведенная демократизация всего режима сможет гарантировать трудящиеся массы всего Союза от тех язв, которые обескровливают молодую республику трудящихся. В том, что Киевский процесс это наглядно показал и заключается его политическое значение.

В. Александрова.

Заметки

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ ИЛИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ГПУ?

Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

Проект «сталинской» конституции, ст. 127.

Прекрасная статья, которая через каких-либо 3½-4 месяца станет «основным» законом! Такая прекрасная, что многих граждан даже озорно взяла: не слишком ли уж переборщил великий законодатель в своем стремлении насадить в Советском Союзе самые совершенные формы демократии? И посыпались сотни «поправок», робко заклиная дать возможность хотя бы пойманных с поличным воров, грабителей, хулиганов, поджигателей и убийц задерживать на месте преступления, не дожидаясь тех дней и недель, которые требуются для получения «санкции прокурора» или «постановления суда». Десятки статей были посвящены этой теме, и сами великаны советской юриспруденции, Наркомюст Крыленко и генеральный прокурор Вышинский, вступили в публичное состязание по вопросу о наилучших методах обеспечения строгой законности и охраны неприкосновенности граждан.

А между тем, пока в столицах шум и гремят витии, измышляя самые тонкие формулы для определения тех исключительных случаев, когда возвещенной неприкосновенности личности придется нанести некоторый ущерб, там — во глубине России ГПУ продолжает творить расправу над этой личностью, как будто никакой неприкосновенности ей не было обещано, как будто никакого самого демократического в мире проекта конституции Сталин не опубликовывал и как будто чрез несколько месяцев Советскому Союзу не предстоит вступить в эру неизблемой демократической свободы и демократических гражданских прав. И с особою свирепостью творит ГПУ эту расправу над теми, кого и до сих пор оно, вопреки букве всех советских законов, в течение свыше 15 лет терзало всеми доступными ему способами, — над социалистическими и оппозиционно-коммунистическими ссыльными и заключенными.

Со всех сторон до нас доходят сведения о новой волне этой дикой расправы. Товарищи, свыше полутора десятка лет не могущие вырваться из того адского круга, который приурочиван для них ГПУ, систематически снимаются с тех мест ссылки, куда они были переброшены — зачастую лишь несколько месяцев тому назад! — произволом того-же ГПУ, арестовываются и этапами препровождаются в тюрьмы, новые места ссылки, а чаще всего — в концентрационные лагеря на земляные, лесные, строительные и другие работы. «Никто не может быть арестован иначе, как по постановлению суда или с санкции прокурора»... Но ГПУ спешит продемонстрировать, что без всяких постановлений и санкций оно может сылать любого гражданина в каторжные работы, — ибо что-же иное скрывается под названием «концентрационный лагерь», как не советская каторга?

Незачем тратить слов на то, чтобы еще раз выразить то чувство глубочайшего возмущения, негодования и презрения, которое вызывает эта позорная расправа, протекающая под шум разглаговольствований о тех невиданных свободах и правах, которыми великий Сталин собирается ошастливить советских граждан. Но вот что надо отметить: накануне введения в действие новой конституции ГПУ само во весь рост ставит вопрос: неприкосновенность личности или неприкосновенность ГПУ? Ибо одно с другим явно несовместимо. Но почему-то именно о «неприкосновенности ГПУ» ни одной самой скромной поправки в печати не видно. Об этой «неприкосновенности» почему-то молчат все радатели «личности». О ней ничего не поведали нам ни Крыленко, ни Вышинский. О ней не проронил ни слова и великий провозвестник демократии. Сталин. И сдаётся, что так и не удосужится никто заметить этот «маленький недостаток» конституционного проекта, пока не заставят заговорить о нем сами трудящиеся массы.

«САМОКРИТИКА» ТРОЦКОГО

В № 51 Бюллетеня Троцкого напечатано, между прочим, письмо вырвавшегося из советской ссылки Виктора Сержа с новыми данными, окончательно устанавливающими гнусно-фальсификаторский характер пресловутого «меньшевистского процесса» 1931 года на основании показаний самих участников, актеров и жертв процесса, главным образом — Суханова*). Письмо это редакция Бюллетеня сопровождает следующим примечанием:

Редакция «Бюллетеня» должна признать, что в период меньшевистского процесса она далеко недооценила степень бес-

*) Однородные данные были сообщены в № 8 «С. В.» за текущий год.

НОВАЯ БРОШЮРА

Marceau PIVERT RÉVOLUTION D'ABORD!

К дискуссии об отношении к войне

Издание «Nouveau Prométhée», цена фр. 2,50. Заказы через контору «Соц. Вестника».

стыдства сталинской юстиции и в виду этого брала слишком всерьез признания бывших меньшевиков.

Что-же? Лучше поздно, чем никогда. Хорошо, что хоть теперь Троцкий пытается «дооценить» бесстыдство чекистских и комедийно-судебных расправ и клевет, тогда, когда эти расправы и клеветы не касаются его собственной драгоценной особы. Правда, еще в № 1 нашего журнала за текущий год, перепечатывая из троцкистской газеты письмо бежавшего из советской ссылки троцкиста Тарова с пламенным протестом против «советских законов», делающих любого советского гражданина беззащитным перед лицом такого рода расправ и клевет, — законов, на которых, по словам Тарова, «основана вся история 15 лет политической ссылки в России», мы отметили странный факт: печатая протест Тарова против этих «советских (советских, а не «сталинских»)» законов, редакция троцкистской газеты не сочла нужным

ни напомнить, ни как-либо объяснить своим читателям тот факт, что из этих «15 лет» не малая доля приходится на то время, когда Троцкий стоял на вершинах власти и нес ответственность за эти «советские законы», от которых теперь «волосы становятся дыбом» у его единомышленников, перемалываемых заживо этими законами,

как, прибавим, перемалывались ими в свое время при участии Троцкого, а ныне перемалываются на одной костоломке с его последователями тысячи социалистических рабочих и интеллигентов.

Уже один этот факт достаточен для характеристики той степени морально - политического мужества, какой можно ожидать от Троцкого и тогда, когда он решается на «самокритику». Мы не удивляемся поэтому, что, вполне «оценив» бесстыдство сталинской юстиции, когда она коснулась его самого, подкидывала ему «врангелевского офицера» и пр., он чуть не через 2 года после этого простоудушно «недооценил» это самое бесстыдство, когда оно коснулось нашей партии и подкидывало ей пресловутое «бюро» и еще более пресловутую «поездку Абрамовича». Не удивляемся мы и тому, что, «дооценив» наконец сталинское бесстыдство в «меньшевистском процессе», он, повидимому, все еще «недооценил» свое собственное бесстыдство, позволившее ему в свое время обрушить на нашу партию по поводу этого процесса обвинение не только в «контр-революционности», но и в получении «поддержки, в том числе и денежной» от буржуазии, и что он считает свой долг элементарной чести выполненным киванием на — Сталина.

По правде сказать, Троцкий давно уже приучил нас не ждать от него той мужественной честности в «самокритике», о которой он так любит декламировать. Недостаток этой мужественной честности и крайний эгоцентризм политического характера Троцкого и помешал, ведь, ему сыграть ту великую и плодотворную роль объединителя классового рабочего движения, которая естественно навязывалась ему его «оппозицией», и превратил его в жалкого главаря жалкой секты, которая издает десятки журналов на десятке языков, но имеет одного сотрудника — самого Троцкого. Приходится еще раз констатировать это и — пройти мимо.

Но имеется тут еще одна сторона, если угодно — высоко - комическая. Троцкий не мог конечно не воспользоваться меньшевистским процессом для подкрепления своей излюбленной историософии, заключающейся в том, что, подобно тому, как земля вертится вокруг солнца, так вся история человечества, не говоря уже об истории Советского Союза, вертится вокруг Троцкого и троцкизма. В статье «Действительное расположение фигур на политической доске» (Бюллетень оппозиции, № 21-22, май - июнь 1931 г.) он пустился в глубокомысленный анализ дат выхода подсудимых «меньшевистского» процесса из нашей партии и их обратного «входа» в нее и их политических установок в разные годы, чтобы неопровержимо доказать, что вся суть-то тут была в нем, Троцком: когда Сталин яростно боролся с Троцким, обрадованные меньшевики, как истые «агенты буржуазии», толпами покидали партию, чтобы, в качестве беспартийных, а то и большевиков, не за страх, а за совесть помогать Сталину сразить революционную троцкистскую гидру; когда-же хитрый Сталин перехватил, хотя и «центристски извратил» революционную линию Троцкого и загнул, по его стопам, «влево», то разочарованные и огорченные меньшевики хлынули обратно в свою партию и занялись вредительством: именно в этот момент оформляется меньшевистское «Союзное бюро» и делает крутой поворот в своих методах борьбы с советской властью. Оно сближается с контр - революционными социалистами и эмигрантской буржуазией» («Бюл. Оппоз.», № 21 - 22).

Вся эта историософия и тогда была шита белыми нитками: Троцкий не мог и тогда не знать, что его «оппозиция» с выдвинутыми ею (и ныне как будто забытыми) лозунгами демократизации, тайных выборов в профсоюз, а затем и в партии, и в советах и пр. именно в рядах нашей партии встретила сочувствие и привела даже к постановке того самого вопроса о сотрудничестве, «едином фронте» социалдемократии с троцкистами, который, по свидетельству т. Цилиги, ставят заключенные в тюрьмах и ссылки единомышленники Троцкого в Советском Союзе. Но, как бы то ни было, теперь-то, «дооценив», наконец «бесстыдство сталинской юстиции», Троцкий заведомо знает, что и даты мнимого обратного вхождения экс - меньшевиков в нашу партию, и их «политические установки», и само «Союзное бюро», и «сближение с контр - революционными специалистами и эмигрантской буржуазией», — что все это было скомпоновано по приглашению ГПУ с обвиняемыми, которые, как передает Серж слова Суханова, «со следователями разучили роли и прорепетировали комедию, которую потом разыграли в качестве процесса».

Так вот, позволительно спросить: теперь, когда весь фундамент глубокомысленных историософических изысканий Троцкого рассыпается в прах и оказывается с оружием сталинского «бесстыдства», будет-ли ликвидирована и самая историософия? Будет-ли разъяснено троцкистской церкви, что у человечества, пролетариата, Советского Союза и даже нашей скромной партии есть другие заботы, чем непрерывное наблюдение за орбитой вращения Троцкого, и другие методы определения своих задач и своей позиции, чем астрономические вычисления положения этого величественного светила на политическом небе? Боимся, что нет, и что прихожане церкви так и оставлены будут в убеждении, что и французское правительство единого фронта, и испанские события, и новый проект советской конституции, и все вообще, что творится на потрясаемом катастрофами земном шаре, делается не иначе, как либо — в пику Троцкому, либо затем, чтобы обокрасть и «центристски извратить» неисчерпаемую сокровищницу великих идей великого человека....

И. Греков.

Международный конгресс профсоюзов

Если внимательно присмотреться к развитию европейского рабочего движения за последние годы, можно констатировать в этом развитии одну поразительную наблюдателя черту: при всей идейной разногласии, характерной для европейского рабочего движения последних лет, продолжающейся еще до самого последнего времени и обуславливающей идейную слабость движения, какой не знало рабочее движение ни до, ни после войны, — в последние годы все отчетливее намечается процесс новой организационной консолидации рабочего движения в самых различных его областях. Организационное сплочение опережает идейное сплочение; организационные силы рабочего вновь крепнут и кое-где вступают в решительные схватки, но «сова Минервы» пока еще только-только начинают преодолевать свою слепоту.

Состоявшийся в Лондоне в первой половине июля международный съезд профсоюзов — 7-ой очередной съезд Международной Федерации Профсоюзов — был наглядной иллюстрацией быстро растущего организационного укрепления и профдвижения в отдельных странах, и международного профдвижения. В большинстве стран — в Англии, Франции, Испании, Швеции, Дании, Финляндии, Греции и др. — профессионально организованные кадры рабочего класса за истекшее со времени предыдущего съезда МФПС (в Брюсселе) трехлетие значительно выросли, а во Франции и Испании, сумевших преодолеть у себя раскол профдвижения*), рост этот в последние месяцы принял прямо бурный характер. Но рост МФПС за эти годы определился не только ростом движения в отдельных охватываемых ею странах, но и присоединением к МФПС новых стран. В Европе (если не считать СССР) вне МФПС оставались в 1933 году лишь союзы Норвегии, Португалии и Ирландии и кое-где профинтерновские «меньшинства», из которых в сущности единственно значительным было французское (Унитарная Конфедерация Труда). Из всех этих организаций крупное значение и по своим абсолютным размерам, и по влиянию в своей стране имели лишь союзы Норвегии и МФПС болезненно пережила в свое время выход Норвегии из Интернационала. За последние годы норвежские союзы вновь сблизилась с МФПС, а с 1-го января 1936 г. и формально вошли в ее состав. Слились почти всюду с амстердамскими союзами и профинтерновские меньшинства. Сейчас в Европе (если не считать, повторяю СССР) МФПС объединяет уже почти все классовое профессиональное движение вплоть до нелегальных зачаточных профорганизаций Германии, Австрии и Италии, делегаты которых также присутствовали на съезде. Вне МФПС остаются лишь очень слабые союзы Португалии (анархо-синдикалистские) и Ирландии, да еще анархо-синдикалистская Конфедерация в Испании.

Но что может быть, заслуживает особенного внимания, МФПС явственно вступила в фазу международного «собрания» профдвижения и вне Европы. МФПС с самого начала своего существования стремилась выйти из европейских рамок, но фактически это ей плохо уда-

валось, и, например, ко времени Брюссельского конгресса вне Европы в состав Интернационала входили лишь профсоюзы Канады и Палестины (по своему составу в сущности мало отличающиеся от европейских), зачаточные профессиональные организации Южной Африки, Юго-Западной Африки и Нидерландской Индии и — почти лишь номинально — одна из конфедераций Аргентины. За последнее время и в этом отношении произошел значительный поворот: в МФПС вступили союзы Индии и очень активные и хорошо организованные союзы Мексики. В Аргентине произошло объединение и внутренняя консолидация профдвижения и объединения и, повидимому, активная новая Конфедерация вошла в начале 1936 г. в МФПС. Опираясь на Мексику и Аргентину, МФПС рассчитывает сейчас на дальнейшие успехи в странах Латинской Америки.

Но влияние МФПС вне Европы далеко выходит сейчас за ее формально-организационные рамки. Почти всюду, где есть сейчас организованное профдвижение, взоры его участников обращаются к МФПС, как к международному центру. Это сказалось на съезде с чрезвычайной отчетливостью: на съезде присутствовали в качестве гостей делегаты Австралии, Ново-Зеландии, Японии, Бразилии, Южно-Африканского Союза и др. Многие из них перед закрытием конгресса огласили заявления, которые могут иметь большое значение. Представитель Новой Зеландии Серстон приветствовал конгресс от имени Ново-Зеландского Генерального Совета профсоюзов и Ново-Зеландского рабочего правительства, выразили глубокое удовлетворение работами конгресса и заявил о своем намерении по возвращении на родину добиваться присоединения Новой Зеландии к МФПС. Представители Генеральных Советов профсоюзов Австралии (Трэйнер) и Южно-Африканского Союза (Эндрю) сделали аналогичное заявление от имени представляемых ими организаций. Представитель объединенного японского профдвижения Мину-Конэ был несколько сдержаннее, но и он подчеркнул полную солидарность японских профсоюзов с МФПС в вопросах борьбы с фашизмом и реакцией и обещал решительную поддержку МФПС японским профдвижением в этих вопросах. Наконец, — впервые со времени выхода в 1919 г. американских профсоюзов из Интернационала — на съезде присутствовали в качестве гостей три делегата Американской Федерации Труда и был оглашен — также факт за последние 17 лет небывалый — приветственный адрес председателя Американской Федерации Грина, подчеркивающий далеко идущую солидарность американского профдвижения с МФПС.

Для полноты картины остается добавить, что и по своему идейно-политическому облику Лондонский съезд знаменовал новый этап в деле собирания сил пролетариата и что на съезде были представлены все течения классового рабочего движения, кроме (пока?) анархо-синдикалистов, что в частности в съезде участвовали на этот раз и коммунисты ((в составе французской и испанской делегаций)). Это не помешало тому, что все основные постановления съезда были приняты единогласно.

Словом, в той или иной форме классовые профсоюзы всего мира дружески встретились на Лондонском конгрессе, и одни лишь союзы СССР поставили себя вне этого мирового общения.

На пути к завершению мирового единства профдвижения — этой формулой можно наиболее точно охарактеризовать Лондонский

*) В отношении Испании восстановление единства выразилось пока лишь в преодолении раскола между «амстердамским» и профинтерновским направлениями; но по-прежнему отдельно продолжают существовать анархо-синдикалистская Национальная Конфедерация Труда, влияние которой на севере Испании очень значительно. И лишь в дни гражданской войны во второй половине июля оба профсоюзных объединения действовали совершенно солидарно и значительно сблизилась. Но приведет ли это сближение в близком будущем к организационному объединению сказать еще сейчас нельзя.

с'езд. Проблема консолидации мирового единства профдвижения стояла в центре внимания с'езда. Вопрос был поднят при обсуждении отчета о деятельности МФПС за истекшее трехлетие. Хиндаль от имени норвежской делегации внес предложение о переговорах с советскими профсоюзами и с Профинтерном о восстановлении международного единства профдвижения. Норвежское предложение встретило поддержку Кабаллеро от имени испанской, Фрашона от имени части французской и — в общей форме, вне вопроса о Профинтерне — Вилласенора от имени мексиканской делегации, но натолкнулось на возражения со стороны англичан, бельгийцев, скандинавов, голландцев и др., настаивавших на выделении вопроса о Профинтерне и на завершении процесса международного объединения в рамках МФПС путем непосредственных переговоров с советскими союзами и с союзами других стран, формально еще не входящими в МФПС. Эту же точку зрения сдержанно по форме, но очень решительно по существу поддержал и Жуо от имени большинства французской делегации, и — после почти трехдневных дебатов и после обсуждения вопроса в комиссии — эта точка зрения была единогласно принята конгрессом.

От внимательного наблюдателя не могло ускользнуть, что поддержка идеи о переговорах с Профинтерном исходила главным образом от норвежцев и испанцев, никогда в Профинтерн не входивших, далеких от его практики и, вероятно, не вполне отдающих себе отчет в том, что вне Советского Союза Профинтерн в сущности ничего за собой не имеет, — и что Фрашон, вчерашний лидер французской Унитарной Конфедерации и один из виднейших французских коммунистов*), проявил в этом вопросе гораздо большую сдержанность и ограничился в сущности формальной поддержкой норвежского предложения, уделив в своей обширной и произведшей на с'езд большое впечатление речи главное внимание вопросу о внутренней консолидации профдвижения на основе единства**) и вопросу о необходимости для единого профдвижения, охватывающего и массы коммунистически настроенных рабочих, согласовать свои политические выступления не с одним лишь Социалистическим, а с Социалистическим и Коммунистическим Интернационалом.

Для международного рабочего движения вопрос о Профинтерне конченый вопрос. Интересно отметить, что второй коммунистический член Бюро ВКТ Ракамон (также до марта член ЦК компартии) поместил в «Юманите» во время Лондонского с'езда статью о международ-

*) Фрашон вышел из состава коммунистического ЦК и из Политбюро компартии лишь после избрания его в начале марта в Бюро Всеобщей Конфедерации Труда (подняв постановление Тулузского конгресса профсоюзов о недопустимости для членов Бюро ВКТ входить в состав руководящих органов или парламентского представительства политических партий). Но он попрежнему остается одним из влиятельнейших коммунистов, и состоявшаяся уже после Лондонского конгресса общезападная коммунистическая партконференция в особой резолюции солидаризировалась с его (и Ракамона) деятельностью.

**) Приведем из речи Фрашона на конгрессе одно место, над которым стоит призадуматься и работникам советского профдвижения:

«В рабочем классе имеются различные политические и религиозные воззрения. Даже в наиболее передовой части рабочего класса, сознающей необходимость социального переустройства, имеются разногласия и относительно целей и относительно методов. А ведь эта передовая часть, мы не должны это забывать, составляет лишь меньшинство рабочего класса. Между тем — и в этом задача профсоюзов — мы можем объединить весь рабочий класс в одном Интернационале. Это требует, очевидно, чтобы каждому члену союза, уважающему взгляды других членов союза, было обеспечено уважение к его взглядам, чтобы никто не подвергался ограничениям за свои взгляды и чтобы профдвижение было организовано на основе широкой демократии, обеспечивающей всем одинаковые права и одинаковые свободы. Это верно для всех стран» (цитировано по «Юманите» от 10-го июля).

ных задачах ВКТ, в которой, касаясь проблемы международного единства профдвижения, даже не упомянул Профинтерне. Это — по немецкой поговорке — «говорит томы».

Проблема международного единства профдвижения тесно переплелась в прениях на конгрессе — особенно в выступлениях Жуо и в приветствии председателя Социалистического Интернационала Де-Брукера — с проблемой борьбы за мир. «Правительства оказываются неспособными организовать мир», сказал Де-Брукер: «Последние события в Женеве производят впечатление трагического фарса. Это развитие повелительно диктует необходимость добиться в той или иной форме единства рабочего класса. Наступил момент, когда мы оказываемся перед альтернативой: единство или смерть. Я говорю это с глубоким оптимизмом, так как я знаю, что рабочий класс хочет жить».

Доклад о борьбе за мир был прочитан Леоном Жуо, развернувшим программу борьбы с военной опасностью, не раз формулированную МФПС и Социалистическим Интернационалом, и подчеркнувшим, что обнаруженная правительствами слабость в борьбе за мир вызывает необходимость в тем большем усилении активности рабочих организаций. В резолюции, принятой конгрессом (единогласно), подчеркивается тесная связь борьбы за мир с борьбой против фашизма и выражается готовность профессионального движения в борьбе за мир взять на себя «весь вытекающий отсюда риск и всю ответственность». Может быть, пояснением к этой резолюции служит вступительная речь, которой председатель МФПС Вальтер Ситрин открыл конгресс и в которой он подчеркнул, что рабочий класс, борясь за мир, не остановится перед поддержкой военных мероприятий, которые в рамках системы коллективной безопасности окажутся необходимыми для отпора нарушителю мира.

И по вопросу о борьбе с кризисом (докладчик Корнелий Мертенс) конгресс вынес решение, в основном повторяющее и развивающее положения, принятые на Брюссельском Конгрессе 1933 года и воплотившие в железный идейный фонд международного профессионального движения. Лондонская резолюция особо подчеркивает при этом значение борьбы за 40-часовую рабочую неделю, как за центральное в настоящее время требование рабочего класса. В интересах дальнейшей разработки вопроса о борьбе с кризисом с'езд вынес особое постановление о созыве международной профсоюзной плановой конференции для согласования национальных хозяйственных «планов», разрабатываемых сейчас рабочими организациями в разных странах для борьбы с кризисом, по существу ставящих проблему «экономики переходного времени». В европейских странах, неразрывно связанных с мировым рынком, давно уже составляющих интегральную часть мирового хозяйства, ограничение плановой политики национальными рамками, питающее тенденцию к хозяйственной замкнутости (автаркии), легко может иметь опасные последствия и для национального, и для мирового хозяйства.

Разработка вопросов «плановости» поставила МФПС перед проблемой о свободе коалиций в системе планового хозяйства. Вопросу о свободе профсоюзов, о роли и правах профсоюзов в системе планового хозяйства был посвящен на с'езде специальный доклад. Докладчик Рудольф Тайерле поставил себе задачей наметить лишь общие рамки проблемы, которая нуждается в тщательной разработке. Докладчик решительно настаивал на формальном и безусловном сохранении за профессиональными союзами права коалиций и права стачек и в системе планового хо-

зайства; вопрос о фактическом пользовании или непользовании этим правом это вопрос особый и союзы должны иметь возможность самостоятельно решать его в условиях полной свободы и независимости. «Даже тогда, когда требования, во имя которых профсоюзы добиваются права коалиций, осуществлены, т. е. гарантированы, необходимость свободы профсоюзов не отпадает. Так как гарантии эти, как строго они не формулированы, могут в любой момент оказаться под угрозой. Профсоюзы должны поэтому и в государстве, хозяйство которого в большей или в меньшей степени построено на началах плановости, сохранять бдительность в виду эгоистических, централистических и бюрократических тенденций, свойственных органам всякого государства, и должны быть готовы отстаивать свое право на существование». Тайерле заострил свой доклад против фашистских разрушительных профдвижений, но подчеркнул, что выдвинутые им принципиальные соображения действительны и для Советского Союза.

За поздним временем прения на конгрессе по этому вопросу не могли уже развернуться и доклад был обсужден лишь в комиссии. Предложенная комиссией резолюция, в которой изложенная т. Тайерле принципиальная была принята съездом единогласно.

Работа съезда получила очень благоприятный отклик в международной рабочей печати. Даже коммунистическая «Юманите» (от 13-го июля), подводя итоги съезда, подчеркнула, что это был «продуктивный съезд» и что он выполнил «полезную работу». И только пресса Советского Союза, в частности профсоюзный «Труд», ограничилась печатанием кратких и обычно глухо недоброжелательных телеграмм о съезде. Искусственная изоляция рабочего класса СССР от международного рабочего движения продолжается.

С. Шварц.

В Рабочем Интернационале

СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ БЮРО РСИ и МФПС.

28 июля в Брюсселе под председательством тов. Де-Брукера состоялось совместное заседание Бюро РСИ и Бюро МФПС для обсуждения положения в Испании. На заседании был прежде всего заслушан подробный отчет генерального секретаря МФПС тов. Схевенельса, который находится в постоянной связи с представителем испанской социалистической партии в Париже. Кроме того был заслушан доклад испанского товарища, непосредственно приехавшего к заседанию из Барселоны.

После подробной дискуссии, в которой были обсуждены различные стороны проблемы и различные способы оказания помощи испанским рабочим, был единогласно принят предложенный т. т. Лонге и Схевенельсом проект **воззвания к мировому пролетариату** (воззвание это напечатано в начале данного номера).

После этого было постановлено послать **делегацию обоих Интернационалов** в Испанию, чтобы непосредственно передать всему пролетариату Испании выражение участия и солидарности международного пролетариата.

Заседание перешло затем к обсуждению общего политического положения в Европе. В результате этого обсуждения было единогласно принято **воззвание к рабочим всего мира** по поводу грозящей военной опасности (воззвание это читатели найдут в начале номера).

Вслед за этим было обсуждено на основании подробного доклада с мест положение в **Данциге**.

По предложению тов. Абрамовича была принята следующая резолюция о терроре в **Латвии**.

«31 июля должен состояться в Риге во второй инстанции процесс против членов социалистической организации молодежи. Обвиняемым, против которых нет никаких улик, кроме секретных полицейских сведений, грозит суровое наказание (каторжные работы).

Совместное заседание Бюро РСИ и МФПС протестует против **судебной комедии в Риге**. Оно резко осуждает **преследования рабочего движения** со стороны фашистского правительства Ульманиса, протестует против **драконовских мер**, применяемых к арестованным в латвийских тюрьмах и концлагерях и требует **освобождения** всех социалистических борцов за демократию и свободу».

В совместном заседании обоих Бюро приняли участие:
со стороны МФПС: В. Ситрин — председатель, В. Схевенельс (генеральный секретарь), Бондас (Бельгия), Кюперс (Голландия), Тайерле (Чехо-Словакия).

со стороны РСИ: Л. Де-Брукер (председатель), Фр. Адлер (секретарь), Дельвинь и Воттерс (Бельгия), Гедтофт-Гансен (Дания), Лонге (Франция), Гиллис (Великобритания), Альбарда (Голландия), Ненни (Италия), Абрамович (Россия, с.-д.).

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ С ИСПАНСКИМИ РАБОЧИМИ.

23 июля Секретариат РСИ отправил испанской социалистической партии следующую телеграмму:

«Рабочие всех стран со страстным участием следят за героической борьбой испанских рабочих, которые уже во второй раз защищают республику и народную свободу против натиска фашизма и реакции.

«Никогда еще не было так ясно продемонстрировано перед всем миром, что так наз. «защитники порядка», фактически являются ожесточенными врагами демократии, подавляющими бунт против правомерного правительства, призванного к власти волею большинства народа на основе всеобщего избирательного права, и не останавливающиеся перед самыми страшными жестокостями для того, чтобы свергнуть господство правительства, защищающего права и благосостояние масс.

«Фашизм — зачинщик войны и враг мира. Против него надо бороться, его надо разбить.

«В этом решающем бое за родину и за свободу всего мира мы всем сердцем с вами. Гордые вашей самоотверженной борьбой за освобождение всего человечества, мы с чувством глубокого волнения приветствуем героев и «жертвы вашей борьбы и надеемся как можно скорее «увидеть в Испании торжество свободы, и правительство, «идущее по пути освобождения рабочего класса».

Раб. Соц. Интернационал:

Л. Де-Брукер,
Фр. Адлер.

Телеграммы солидарности и сочувствия были посланы испанским товарищам почти всеми партиями РСИ: С. П. Франции, Бельгийской Рабочей Партией, Швейцарской Социалдемократической партией, немецкой с.-д. в Чехословакии и т. д.

Национальный Совет Британского рабочего движения (в котором представлены Лейбор-партия, профсоюзы и парламентская фракция) выпустил 28 июля обращение ко всем рабочим организациям и ко всем честным демократам, призывая их к созданию вспомогательного фонда для испанских рабочих.

Аналогичное обращение было опубликовано бельгийской рабочей партией и бельгийскими профсоюзами (28 июля), французскими профсоюзами (29 июля) и многими другими партиями и профсоюзными организациями.

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

ЗАГРАНИЦЕЙ

В ПОЛЬШЕ.

1.

Эра «чрезмерного либерализма» (так окрестила печать г. н. «полковничьей группы» правительство Косцялковского) закончилась. Косцялковского свалила закулисная борьба внутри самого правительственного лагеря. Власть перешла в руки генерала Славой - Складковского, бывшего министром внутренних дел в эпоху Бреста и пресловутого умиротворения юго-восточных воеводств. На деле эта смена не повлекла за собою существенного изменения правительственной практики. Несколько иными стали лишь тон и настроение, да и то немного: повидимому, возвращаться к политике «твердой руки» уже поздно.

После смерти маршала Пилсудского в Польше была введена «новая политическая система». «Позвоночным столбом» этой системы конституция сделала пост президента. Права президента стали значительно больше прав... прусского короля в довоенную эпоху. Ведь новая конституция была выработана в предположении, что главой государства будет маршал Пилсудский и никто иной. Порядок выборов в сейм и сенат был всеми правдами и неправдами прокачен на всех парах, но едва поспел к моменту, когда уже пришлось предавать прах маршала земле. Этот избирательный порядок должен был передать сейм целиком и полностью в руки правительственного лагеря, и в этом отношении своей задачи достиг. Но более половины населения (а в провинциях, по целому ряду причин более независимых, почти 75 %) же участвовало в выборах. В итоге сейм и сенат стали монополией одной единственной политической группы, но за то потеряли буквально всякое значение в политической жизни страны. Те колоссальные полномочия, которыми по замыслу конституции должен был быть наделен маршал Пилсудский, перешли теперь к Игнацу Мосцикскому, который в течение девяти лет в высшей степени лояльно и открыто потчинаялся авторитету покойного ныне фактического главы государства.

Министерство Косцялковского было образовано в сентябре 1935 г., непосредственно после «выборов», т. е. тогда, когда провал новой системы и ее творцов вкупе с г. Славком был уже очевиден. «Чрезмерный либерализм» потому и родился, что стал очевиден новый объективный факт: сгорбленные человеческие фигуры стали выпрямляться, и притом в виде не единичных эпизодов, а массового явления. Это отнюдь не было последствием назначения Косцялковского. Наоборот: Косцялковский пришел потому, что рухнула политическая концепция г. Славка и полковничьей группы. Косцялковский попробовал робко пойти навстречу назревающим настроениям. Его робость повлекла за собою его падение: он не решился прорвать рамки новой конституции и вызвал лишь бурную вражду в себе со стороны «полковников». Он пал под их ударами потому, что сам очутился почти в полном одиночестве.

Генерал Славой-Складковский тотчас же перевернул новую конституцию вверх дном: с парламентской трибуны он заявил, что принимает пост министра - президента по приказу президента республики и генерал - инспектора армии, г. Рыдзь - Смиглого. Так внезапно попала Польша под власть двух верховных сил, одна из которых, президент республики, соответствует конституции, но другая, генерал - инспектор, конституцией не предусмотрена. Мы имеем тут, очевидно, дело с попыткой навязать стране «вождизм» под видом заботы об ее обороноспособности. Социалисты с полным правом отмечают, что такая манера — превращения вождя армии в вождя одного политического лагеря, есть наихудший способ обеспечения обороноспособности страны. Но главы системы хотят во что бы то ни стало снова найти контакт с массами. Предприятие, думается, совершенно безнадежное.

2.

Тотчас же после сентябрьских выборов 1935 года был распущен «беспартийный блок» сотрудничества с правительством (так официально именовал себя правительственный лагерь в качестве «массовой организации»). Роспуск этот был последним логическим выводом из политической концепции Славка, поистине изумительной в своей наивной примитивности. Славек рассуждал приблизительно так: новая система выборов имеет целью лишить все политические партии возможности оказывать влияние на судьбы государства; мы должны поэтому подать «хороший пример» и ликвидировать и свою собственную партию; отныне «отдельные» депутаты и сенаторы будут одновременно и представителями населения и естественными «звеньями связи» между населением и государственным аппаратом. Концепция эта оказалась пустым местом. Но при этом выяснились с полной очевидностью две вещи:

1. Правительственный лагерь («беспартийный блок») не имел абсолютно никакого самостоятельного влияния на массы. Его возможности влияния на общество целиком покрывались границами влияния чиновников государственного управления. Поистине изумительно, как безболезненно и бесследно исчез из политической жизни Польши «беспартийный блок», который выступил ведь в качестве массовой организации.

2. Главари системы, добровольно отказавшиеся от организационного аппарата, который давал им хотя бы видимость контакта с населением и помимо сферы влияния государственного управления, повисли внезапно в воздухе, потому что избранные в сентябре «отдельные» депутаты и сенаторы само собою разумеется, ни в малейшей степени не могли по мочь желанной «связи» с массами.

Теперь начинаются попытки снова построить как-нибудь массовые организации. В каком виде? Трудно угадать. Но опять таки сдается, что и в этом отношении уже слишком поздно. Система с'ежилась до пределов государственного аппарата; массы отошли и, кажется, с тем, чтобы уже никогда не возвращаться.

3.

Со времени смерти маршала Пилсудского и по сей день внешняя политика находится в руках Бека. Косцялковский тут ничего не изменил, и Славой - Складковский, пока по крайней мере, тоже. Но тут как раз — пункт, в котором определенно намечались линии расхождения между политической системой и мнениями очень значительной части страны. Только линии эти проходят несколько иначе, чем в разногласиях насчет разрешения внутренних проблем.

Маршал Пилсудский — поскольку о том может судить наблюдатель, далекий от правительственных кругов, — стремился «онезависимить» польскую внешнюю политику от Франции и пытался добиться для Польши роли «фактора равновесия» между Германией и Советской Россией. Еще в эпоху Пилсудского обнаружилось первое трение с Чехословакией. Бек серьезно обострил эти трения; он дистанцировался и от Франции значительно больше, чем это имело место когда-либо раньше, и наклонил чашу весов в средне - восточной Европе так сильно на сторону Третьего Рейха, что, в ходе многочисленных сдвигов, все «равновесие» опрокинулось и исчезло. «Флирт» с Третьим Рейхом принял вид почти селечной дружбы, своего рода союза, вызывающего серьезное беспокойство в широких слоях Польши. Два фактора усиливали при этом в общественном мнении настроения против политики Бека: во-первых, развитие событий в Данциге, превратившемся на деле в германскую провинцию; во-вторых, появление полу - конспиративных национал - социалистических массовых организаций в Верхней Силезии, развивающих свою агитацию под непосредственным руководством германских чиновников Прусской Силезии с бреставльским Гестапо в качестве генерального штаба. В кое-каких правительственных канцеляриях и особенно в военных кругах теперь не мало говорят о ценности дружбы и бердяцких заветов в лояльности. Положение Бека, надо думать, несколько пошатнулось, хотя не подлежит сомнению, что главари системы не думают о передаче министерства иностранных дел в другие руки. Последовательную и продуманную линию иной внешней политики противопоставляют политике Бека, главным образом, польское рабочее движение. В своей резолюции ППС формулировала проблему полностью ясно: можно сказать, лапидарно:

1. Политика министра Бека вовлекает Польшу в круг фашистских государств.

2. Действительные государственные интересы Польши требуют, напротив, ее активного участия в международных усилиях остановить фашистскую волну; одним из средств к тому является организация коллективной безопасности.

Как бы то ни было «флирт» с Третьим Рейхом вызывает в среде рабочих и в общественном мнении вообще нарастающее сопротивление. Сопротивление это не остается в области настроений, оно становится уже продуманным и сознательным.

Последнее выступление президента Ланцигского сената, Грейзера, в Женеве и последовавшие за ним массовые демонстрации на территории «вольного» города Данцига по крайности обострили напряженность оппозиции. Социалистическая печать констатировала с полной определенностью: политика Бека обанкротилась!

Это мнение разделяется преобладающим большинством населения, со включением военных сфер. Ставшее известным 12 июля соглашение гитлеровщины с австро - фашизмом понятно, вывинуло на первый план вопрос: «пойдет-ли Польша с международным фашизмом?» Ответ всей польской демократии гласит: никогда и ни под каким предлогом!

Тут назревает острая борьба.

4.

Крупные массовые движения широкой волной разливаются по Польше. Источники их — двоякого рода. Мы видим здесь, во-первых, **социальные движения** резко выраженного классового характера и все более определенной освободительной — политической окраски; во-вторых, — национализм по гитлеровскому образцу, концентрирующий ныне свою массовую активность почти исключительно на **еврейском вопросе**. Кровавые антисемитские беспорядки в Пржитыске, в Минске Мазовецким дают образцы бурного прорыва этого активизма; всевозможным «мелким» происшествиям (драки в высших учебных заведениях, бросание петард в синагоги, нападения на отдельных прохожих) отводится уже постоянная рубрика в газетах. В моменты больших массовых движений (кровавые столкновения между полицией и толпой в Кракове и Лемберге, за последнее время также в Торне и Гдыне) антисемитские настроения были совершенно незапятнаны. Они как будто проваливались под землю и совершенно исчезали — с тем, чтобы внезапно снова прорваться по совершенно иному поводу и в ином месте.

Так называемый национальный лагерь пытается придать антисемитским настроениям видимость организованной кампании. Это — трамплин, с которого националисты рассчитывают прыгнуть к власти. Реальным противовесом им в массах является социализм и крестьянство. Как уже сказано, роль «беспартийного блока» в массах кончена. По официальным данным из организованных в народную партию широких крестьянских масс почти миллион крестьян принял участие в крестьянских празднествах 30 мая и 30 июня 1936 г. Теперь идет состязание между ППС и национальным лагерем. С кем пойдет крестьянская народная партия? С ППС на основе общей, ясной — скажем, минимальной программы, или же она поддастся националистическим расистским и клерикальным лозунгам? От решения этого вопроса зависит в Польше очень многое. Социалистическое движение в Польше сильно возросло, оно снова приобрело размах и мощь. 1 мая 1936 г. сплотило под красным знаменем более крупные массы, чем когда бы то ни было раньше, и показало их дисциплинированность, рост их сознательности. Это должны были признать и противники. На социалистических собраниях и докладах наблюдается теперь массовый наплыв. За последнее время имели место муниципальные выборы в Згерже, на этот раз подлинные выборы, без давления сверху. Список ППС получил 11 мандатов, из которых 6 новых, национальный список — 10 вместо прежних 15, правительственный — вместо 7. Згерж входит в Лодзинский промышленный округ, и потому итоги эти в высшей степени характерны.

Сейчас можно сказать с полной определенностью: с национальным лагерем крестьянская народная партия не пойдет. Поищет ли она с нами? Мы это вскоре увидим, но можно надеяться, что да. Политическая жизнь Польши уже созрела для решения. Если нам удастся в близком будущем создать свой собственный «народный фронт», опирающийся на две крупные, реальные массовые силы — социализм и крестьянство, и способный к положительной работе и с демократическими элементами национальных меньшинств, то это открыло бы нашей стране весьма широкие перспективы.

Платформа возможного народного фронта должна будет охватить три категории проблем:

1. плановое хозяйство,
2. борьба против фашизма,
3. свобода и гражданские права.

Эту платформу выдвигаем мы под лозунгом **рабоче - крестьянского правительства**, и популярность этого лозунга очень велика. Проблема его реализации стоит теперь в порядке дня. Нам предстоит великое, историческое испытание. Последние недели принесли новые факты большого значения.

В деревне Новосельце (центральная Мало - Польша) был воздвигнут холм в память Михаила Пырза, крестьянского старосты, организовавшего 300 лет тому назад по собственному почину, совместно с крестьянством окружающих деревень, вооруженное и победоносное сопротивление против одного из многочисленных татарских набегов. На состоявшихся по этому поводу празднествах появился генерал - инспектор армии, Рыдзь - Смиглый; прибыли военные почетные караулы и, по официальным данным, до 120.000 крестьян со всей окрестности. Вся эта колоссальная масса крестьян встала без колебаний под знамя народной партии. Полиция удалась. Поддержание порядка взял на себя многотысячный отряд народно - партийной милиции. Порядок ничем нарушен не был, только милиционеры народной партии прогнали националистическую группу, обращающую на себя внимание антисемитскими выкриками. В течение семи часов под громом громадная толпа дефилировала перед трибуной генерала инспектора Рыдзь-Смиглому с возгласами: Свобода! Да здравствует армия! Верните нам Витоса! (вождь народной партии,

бывший узник Бреста, ныне эмигрант) Долой санацию! Требуем свободных, демократических выборов!

Генералу Рыдзь-Смиглому были вручены требования, принятые на массовом собрании народной партии:

1. изменение конституции;
2. изменение порядка выборов: возвращение к всеобщему, равному, тайному, прямому и пропорциональному голосованию;
3. ликвидация существующего административного режима;
4. амнистия, прежде всего — бывшим брестским узникам (Витос, тов. Либерман, Багинский, Керник).

Во время торжества один старый закопанский крестьянин внезапно провозгласил: да здравствует рабоче - крестьянское правительство! А другой молодой воскликнул: да здравствует Народная Партия, да здравствует Польская Социалистическая Партия! И неописуемый энтузиазм охватил толпу.

Впечатление, произведенное этими событиями на всю Польшу, было сильным и прочным. Стало очевиднее, чем когда либо, что господствующий лагерь потерял всякое влияние на массы.

Но «темные силы» хотят бороться. Недалеко от Новосельца расположено имение Кржековица, принадлежащее Академии Наук. Там вспыхнула стачка, вполне оправданная со всех точек зрения (заработная плата в 60 грошей за работу с восхода солнца до сумерек). Дело дошло до столкновения и выстрелов. Были убитые и раненые. Из этого хотели состряпать террористический заговор народной партии. Но стихийный, решительный отпор общественного мнения расстроил эти планы. Социалистическая пресса сыграла в этом случае первостепенную роль. Одновременно рабочие соседнего городка — поляки и евреи — пожертвовали двухчасовой заработок в пользу семей павших крестьян. То был стихийный, совершенно добровольный жест. Но он подвел «психологический фундамент» под великое здание польского народного фронта, под положительное сотрудничество социалистического, классово - сознательного рабочего движения и крестьянского движения. Мы могли констатировать это в середине июля на совместном заседании центрального комитета ППС с руководством Народной Партии. То был весьма серьезный шаг вперед.

Не стоим ли мы и впрямь уже на пороге исторического поворота? Надо думать, что осень принесет ответ на этот вопрос.

(«Кампф»)

М. Недзялковский.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА ФИНСКИХ СОЦИАЛДЕМОКРАТОВ.

На выборах 1 июля социалдемократы получили 452 тыс. голосов, т. е. 39 % всех поданных голосов. Все остальные партии вместе получили 719 тыс. голосов, из которых 97 тысяч пришлось на долю фашистов («Патриотическое народное движение»). При существующей пропорциональной системе социалдемократы получают в парламенте 83 места из 200. При предыдущих выборах 1933 г. социалдемократы получили 413.561 или 34 %. До сих пор социалдемократы имели большинство только в двух городах, в Тампере и Котке, — ее главные кадры находились в деревне. Сейчас социалдемократия завоевала четыре **больших индустриальных центра** (Выборг, Лахти, Кеми и Якобштадт), не говоря уже о более мелких индустриальных пунктах.

Уже выборы 1933 года были блестящим успехом для социалдемократии, приобретенной тогда 12 новых мандатов. Тем большей победой надо признать нынешние выборы. Еще раз обнаружилось какими огромными резервами может располагать рабочий класс Финляндии, если только их мобилизовать.

Что касается коммунистов, то они, начиная с 1930 года, когда в стране восторжествовала реакция и был принят особый закон против коммунистов, не могут больше выставлять своих собственных кандидатов. Но вот уже в третий раз, — и на этот раз еще более единогласно, чем прошлые два раза, — весь рабочий класс голосует за социалдемократических кандидатов. **Пролетарская солидарность блестяще себя оправдала.**

Несколько увеличили свои голоса и фашисты, но недостаточно, чтобы получить новые мандаты. Они остаются крикливой, но численно малозначительной группой. Их главные силы лежат во внепарламентской области. Буржуазия возлагает ответственность за социалдемократическую победу на своих незадачливых фашистских прислужников. Вот уже несколько лет, как фашизм потерял, даже в среде реакционных слоев буржуазии, те симпатии, которыми он пользовался когда-то. Он скомпрометировал себя. Он чванливо обещал «истребить марксизм», объединить весь народ, уничтожить классовую борьбу и разрешить национальные споры в пользу финского элемента. А на поверку оказалось, что и социалдемократия вышла из избирательной борьбы окрепшей и шведский элемент одержал на выборах немало побед.

Успеху социалдемократии способствовали, как и в 1933 г., воспоминания о перенесенных населением тяжелых годах. Правда, кризис как будто преодолен, и в стране господствует промышленная конъюнктура, но заработная плата еще очень низка, и уровень жизни населения еще больше понижается, благодаря совершенно невероятной налоговой системе. Силен и политический гнет. Правда, фашисты не осмеливаются больше прибегать к открытому террору, но власть — имущие стремятся как можно больше ограничить гражданские свободы, а крупная промышленность применяет по отношению к рабочим экономический террор, нисколько не считаясь с выдающимися парламентскими позициями, которые рабочие занимают, и отказываясь признавать их равноправными гражданами. В бюро Рейхстага ждут своей очереди реакционнейшие проекты, судьба которых должна будет окончательно решиться в новом Рейхстаге.

На оценке этой ситуации была построена **экономическая программа** с.-д. партии, принятая на партийном съезде в мае 1936 г. и легшая в основу нашей избирательной платформы. Надо предупредить новые кризисы, — поэтому программа требует **общественных работ** производительного характера в достаточном размере, чтобы доставить занятие всем безработным. Помимо этого мы требуем значительного **повышения заработной платы**, катастрофически упавшей в период кризиса. Программа требует далее создания государственной комиссии, которая должна контролировать **кредитные институты** и регулировать **учетный процент**. Это было уже однажды принято Рейхстагом по инициативе социалдемократов, но правительство, в сильной степени подверженное влиянию банков, не выполнило этого постановления.

Рабочие Финляндии поняли более глубокие причины нужды и политической реакции и с одушевлением присоединяются к требованию социалдемократии о **социализации экспортной промышленности**. Эта промышленность (лесная и бумажная), пользуясь своим привилегированным положением, сильно понизила заработную плату, поддерживая фашистское движение лапповцев и прибегая к экономическому террору против рабочих. Крестьяне же жалуются, что экспортеры платят им слишком низкие цены за заготавливаемый ими лесной материал.

За последние годы на авансцену выдвинулся вопрос об обороне страны. Финляндская буржуазия захвачена интернациональной паникой вооружений, и в парламент внесен проект вооружений, достигающий 1½ миллиарда марок. Социалдемократия требует сокращения военных трат для того, чтобы не был сведен на нет социальный прогресс.

Наши фашисты, поддерживающие тесные связи с немецким гитлеризмом, стараются приобрести влияние на военные силы Финляндии. Они же являются главными застрельщиками новых вооружений. Принимая во внимание международные опасности, связанные с этим, социалдемократы требуют, чтобы правительство строго следило за фашистскими интригами и приняло меры для расстройств их планов. Эти пункты социалдемократической избирательной платформы на верное много способствовали тому, что социалдемократия приобрела доверие самых широких слоев финских трудящихся, проникнутых глубоким стремлением к миру.

Избирательная победа рабочего класса не может пройти бесследно. Она доказала, что все большая и большая часть населения требует социальных реформ (социального страхования и т. п.), ограничения вооружений, защиты демократии и мира против фашистских заговорщиков. Социалдемократическая партия — роспуска которой все время требовали фашисты и другие реакционеры — сейчас сильнее, чем когда бы то ни было. **Поворот влево** в народе несомненен. И в рядах самой социалдемократической партии за последнее время все громче раздается требование, чтобы партия заняла более непримиримую позицию по отношению к существующему правительству, — правительству, которое очень часто прибегало к поддержке социалдемократических голосов, но все также мало считалось с волей рабочего класса.

Правительство после этих выборов вряд ли еще долго продержится. Войдет ли социалдемократия в состав нового правительства? На этот вопрос пока еще нельзя ответить. Несомненно однако, что образование чисто — буржуазного правительства натолкнется теперь на большие затруднения.

Один результат выборы эти, надо надеяться, безусловно дадут: правящие классы не смогут больше оставлять без внимания требования рабочего класса. Но и рабочий класс может извлечь из выборов полезный урок: социалистически мыслящая или чувствующая масса рабочих необычайно велика по сравнению с организованными кадрами партии. Партия не составляет и 10% от общего числа социалистических избирателей. **Организационное укрепление партии** должно стать главной задачей ближайшего будущего.

К. Вийк.

Для характеристики последних выборов в Финляндии приведем следующую таблицу:

Партии	Число голосов		Число мандатов	
	1933	1936	1933	1936
Социалдемократы	413.551	452.191	78	83
Крестьян. партия	249.758	262.928	53	53
Шведская партия	115.433	131.251	21	21
Консерват. партия	187.527	121.296	18	20
Фашисты		97.504	14	14
Прогресс. партия	82.129	73.864	11	7
Мелкие крестьяне	37.544	22.579	3	—
Народная партия	9.390	7.417	2	—
Разные	12.491	2.454	—	—
	1.107.823	1.171.484	200	200

(Общее число избирателей возросло с 1.789.331 до 1.915.954)

Неуклонный рост социалдемократии в Финляндии ярко демонстрируется непрерывным ростом числа ее избирателей на всех выборах.

Число голосов, полученных с.-д. партией, составляло:

В 1922 г.	216.861
» 1924 »	255.068
» 1927 »	257.572
» 1929 »	260.254
» 1930 »	386.026
» 1933 »	413.551
» 1936 »	452.191

ПО РОССИИ

МОСКВА. Новая конституция. — Растерянность коммунистов. — Тактические задачи. — Волна новых арестов и репрессий.

Проект конституции, наконец увидевший свет, превзошел все ожидания. Наряду с действительными и реальными завоеваниями революции, не вызывающими никаких сомнений, у огромной и подавляющей части населения, как-то: право на труд, на образование, равноправие национальностей и рас и т. п., в проекте с достаточной ясностью очеркнута монополия компартии на руководство всеми государственными и общественными организациями.

Скептическое отношение к будущей практике соблюдения новой конституции находит лишнее обоснование в этом чрезвычайно важном и принципиальном ограничении. Мне пришлось за последнее время выслушать самые различные отзывы на проект. Общее для всех этих высказываний, что, конечно, в новых условиях органам власти придется заботиться о внешнем оформлении своей деятельности, но что по существу больших изменений ожидать не приходится. В основном все новеллы конституции продиктованы соображениями внешней политики и стремлением к улучшению взаимоотношений с крестьянством.

Большую растерянность можно наблюдать среди коммунистов, особенно среди рядовых партийцев, неискушенных в макиавелизме. Мне самому пришлось слышать, как некоторые из них в тесном кругу недоумевают: «где же рабочий класс?», «где диктатура пролетариата?», «Почему всеобщие, прямые и тайные выборы?». «Если все в результате вступления в бесклассовое общество, то почему у нас государство рабочих и крестьян, а власть трудящихся?». «Что это за «меньшевистский» термин — трудящиеся?» и т. п. и т. п.

ЦК ВКП сам, по всем данным, считает нужным разъяснить все эти недоумения и последние номера партийных журналов («Большевик», «Парт. Строительство») полны статьями на эти темы. По всем парторганизациям проводятся специальные доклады, доказывающие, что все пока осталось по старому и что органы власти и партийцы должны усилить свою бдительность, чтобы и при новых условиях обеспечить соответствующий ход и результаты выборов.

Не надо, однако, недооценивать политическое значение новой конституции. При всех своих недостатках — это серьезный шаг вперед к демократизации власти и всей системы. При всех ухищрениях тайные и всеобщие выборы останутся все же таковыми. Это открывает новые горизонты и накладывает новые обязанности на политические организации, работающие в Союзе. Это обязывает нас возможно скорее разобраться в новой обстановке и наметить новую тактику.

Как и можно было ожидать, несмотря, а возможно и благодаря опубликованию новой конституции, у нас новая волна арестов. Особенно энергично арестовывают троцкистов и всех мало — мальски связанных с ними.

Многие из наших товарищей, оканчивающих в этом году ссылку, арестованы и получили новые сроки ссылки, часто с высылкой в другие районы*).

21 Июля.

Н.

КУЗНЕЦКСТРОЙ И БАЛХАШСТРОЙ

(Впечатления иностранного рабочего)

Иностраный рабочий (коммунист), проработавший несколько лет в Сов. Союзе на стройках в Сибири и Средней Азии, и только что вернувшийся оттуда за границу, поделился с нами своими впечатлениями.

Что меня больше всего занимало все время, это **положение рабочих**, как вольных, так и тех подневольных (ссылных), которых в этих краях огромное количество.

Должен сказать, что в других странах скоту лучше живется, чем живут русские рабочие после 17 лет революции на различных «стройках» Союза.

Начнем с **вольных**: вот строилась фабрика на Прибалхашстрое. Привезли туда из европейской России, из Ленинграда, Харькова и др. городов, набранных там рабочих. Когда их вербовали, им обещали золотые горы, высокую зарплату, здоровый климат, хорошее питание с большим количеством фруктов и т. п. Контракт на 2 года. Я был при том, как их к нам привезли. Когда они прибыли в Караганду, конечный пункт ж.-д., их продержали там свыше 10 дней на «базе». Жить им пришлось с семьями, женами, малыми детишками, в землянках и деревянных бараках, спать на полу или на железных койках без тюфяков и одеял. Пища скверная и недостаточная. Начальство в лице деспота и негодяя «тов.» Кутинова всячески измывалось над несчастными, огорошенными и всей обстановкой, и тем, как их обманули вербовщики. Наконец, после долгих криков, слез и сцен, их стали отправлять на место работы малыми партиями, по 40-50 душ в теплушках, по узкоколейке, которая ведет к ст. Бертис, в 6 км. от озера Балхаш. Дорога эта вся длиной в 450 км., но везли туда рабочих целых 12 дней! Причем по пути нельзя было достать ни еды, ни воды для питья.

В Бертисе несчастным измученным физически и морально людям пришлось опять ждать, ибо не были во время приготовлены грузовики для перевозки. Только на третий день после прибытия в Бертис, рабочих, наконец, стали переправлять в «Отдел Кадров», где производится распределение по работам.

На стройке рабочих поселили в бараках и землянках, разделенных занавесами и рогожами на отдельные «помещения». Кухня общая. Продукты очень дорогие, по сравнению с зарплатой, и притом в недостаточном количестве. Питаться приходится здесь, как и на Кузнецкстрое, — почти исключительно черным хлебом и вяленой рыбой (и водкой, которой сколько угодно). На платье и обувь денег никогда не хватает, ибо самые скверные ботинки стоят на вольном рынке больше 100 руб. И взрослые и детишки бегают, поэтому, в лапшах. Нищенская зарплата выплачивается очень неаккуратно, с большими запозданиями. Протесты и жалобы не помогают. Вообще, пренебрежение к людям, к человеческой личности совершенно невероятное и циничное. Когда в семье кто-либо умирает, а таких случаев тут немало, то эта смерть помимо общечеловеческого горя превращается в трагедию, благодаря особенностям здешнего быта: гроб надо купить самому, а затем ждать 2-3 дня, пока пришлют тележку с лошадью, чтобы отвезти труп за 15 км. на кладбище. А там надо самому рыть могилу, самому засыпать яму и т. д. Таких эпизодов я бы мог рассказать десятки.

Можно себе представить, как рвутся назад, в Европу, рабочие, отработавшие срок контракта. Но это оказывается не так просто сделать. Если не представить уважительных причин (болезнь, особые семейные обстоятельства и т. п.), то нельзя получить увольнения: и тогда контракт **автоматически** продлевается еще на 2 года. Это называется: **вольнорабочая рабсила!**

Таких «вольных» рабов держат десятками тысяч на всем огромном пространстве от Караганды до Альма-Аты, на территории, в которой питьевая вода еще очень «соленая», где нельзя достать самых обыденных вещей, вроде сахара, где земля часто изобилует тарантулами и скорпионами...

Центральный складочный барак той фабрики, о которой я говорю, буквально завален машинами, в том числе очень дорогими, заказанными в европейской России и заграничной. Многие из них, благодаря всеобщей халатности и полному отсутствию интереса у кого-бы то ни было, сломаны еще в пути. Другие заржавели и испортились на складе. Тут, в

буквальном смысле этого слова, похоронены миллионы золотых рублей. А рядом экономат на рабочих и на их детях жалкие гроши. Трудовые нормы очень высокие. Со времени введения стахановщины нормы эти у нас были повышены **втрое**, а ставки остались старые, а кое-где даже были понижены...

Если так обращаются с вольными рабочими, членами профсоюзов и «полноправными» гражданами, то легко себе представить, что власти проделывают с **ссылными**, которых в этом районе неисчислимое множество. Террор непрерывно увеличивается, несмотря ни на какие конституции, и число арестованных и ссылных растет с каждым днем. Наблюдал я не раз прибытие этапа ссылных и их житье — бытие. Вот показывается вдали черная лента этапа. Ссылные бредут, оцепленные со всех сторон вооруженными чинами ПТУ или НКВД и сопровождаемые несколькими десятками **полицейских собак**. Так ссылных доставляют в **концлагерь**. Концлагерь в нашем районе представляют собою группу деревянных бараков в степи, оцепленных тройной сетью колючей проволоки. На всех четырех углах сторожевые вышки, на которых день и ночь дежурят военные часовые с подзорными трубами. Ночью зажигаются яркие электрические прожекторы, освещающие местность как днем.

Ссылные употребляются на различные тяжелые работы: рытье каналов, прокладку подземных труб и кабелей, перевозку строительных материалов, заготовку железо-бетонных частей и т. п. На работу вне лагеря ссылные отправляются под охраной стражи, вооруженной винтовками, револьверами, ручными гранатами. Питание ссылных состоит из 800 граммов черного хлеба в день и немного похлебки, которую им приносят на место работы. Кроме того, они получают и «плату» — несколько копеек в день, которые на руки однако не выдаются, а зачисляются на их счет в конторе лагеря. Работать ссылных, как политических, так и уголовных заставляют очень тяжело и при всякой погоде, даже при 40° мороза. Обращение с ними жестокое и даже прямо бесчеловечное.

Трудно было мне, коммунисту, привыкнуть к мысли, что так обращаются с людьми, с рабочим народом, в стране великой революции.

Через контору

„Социалистического Вестника“

можно приобрести

старые русские революцион. и социалистические

**ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ,
СБОРНИКИ, КНИГИ,
ЛИСТКИ, ПРОКЛАМАЦИИ**

ИЗДАНИЯ, вышедшие легально в гг. 1905—1907, 1911—1914 и в 1917—1918

ИЗДАНИЯ, вышедшие за-границей для пропаганды в России

Брошюры Плеханова, Аксельрода, Мартова, Ленина, Троцкого, Дана и др.

Газеты „Искра“, „Социал-Демократ“, „Пролетарий“, „Последние Известия“ и др.

Протоколы съездов и конференций.

Революционные издания на украинском, еврейском, грузинском и армянском языках.

Журналы и газеты имеются полными комплектами и отдельными номерами

Для просмотра списков и с запросами обращаться:

“LE COURRIER SOCIALISTE”

141, Rue Broca, bat. 11, PARIS (XIIIe)

* От ред. По полученным нами из других источников сведениям эта новая расправа над ссылными социалдемократами приобретает систематический и массовый характер.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Знамя России, №№ 6, 7-8 (82-84).

Новая Россия, №№ 7, 8, 9, 10, 11.

Бюллетень оппозиции, № 51.

Современные Записки, кн. 61.

Пробуждение, № 70-71.

Дело Труда, № 91.

Otto Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Socialismus. S. 355. Eugen Prager Verlag Bratislava.

D. Z. Manouïlski. Victoires du marxisme. Paris. Ed. Sociales Internationales. P. 208.

Der Kampf, N° 7, 8.

Sozialistische Tribüne, N 2, April 1936.

American Socialist Monthly, vol. 5, N° 4, 5

Idée et Action, Revue Mensuelle du mouvement socialiste et syndicaliste international. Paris. N° 1, 2.

La Révolution Proletarienne, N° 224, 225, 226, 227.

Cahiers du bolchévisme, N° 8-9, 10-11, 12-13.

Prométhée, N° 113, 114, 115-116.

André Ferrat, membre du Comité central du Parti communiste. Lettre ouverte aux membres du Parti communiste. Paris. Prix : 1 franc.

M. Yvon. Ce qu'est devenue la révolution russe. Préface de Pierre Pascal. Les Brochures de « La Révolution Proletarienne ». Prix : 2 francs.

Que Faire? Revue communiste, N° 19, 20.

L'Etudiant Socialiste, N° 9.

Delnická Osvěta, N° 6.

Guy de Valdor. Le Franc et le Front Populaire. Un programme. Legram-Servant. Paris. Prix 1 fr.

Revue Pratique de Droit International «Les Droits Civils». Revue Trimestrielle. Avril-Mai-Juin 1936. Revue de législation française concernant les étrangers.

От редакции. — Следующий номер «Соц. Вестника» выйдет 29 августа.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 3/7, 16/7 и 5/8.

Отослано: № № 16 и 18.

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“

за 1935 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия предоставляется скидка в 25 процентов

В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932, 1933 и 1934 г.г., по цене

100 фр. за том

ZEITSCHRIFT FÜR

SOZIALISMUS

Die wissenschaftlich-theoretische Monatsschrift der deutschen Sozialdemokratie stellt sich die Aufgabe, den Kampf gegen das Hitler-Regime und die Ausübung der Macht in einem befreiten Deutschland geistig vorzubereiten.

Revolutionär nicht nur in der Bekämpfung des Gegners, sondern revolutionär auch in der rücksichtslosen Kritik an der eigenen Bewegung, setzt sie sich ihre Ziele: In freier Diskussion die grossen Probleme des Sozialismus und seiner Verwirklichung zu erörtern, aus der Blosslegung der Fehler in der Vergangenheit zu lernen und durch Analyse der Gegenwart die Gestaltung der Zukunft vorzubereiten.

Bezugspreise: Einzelheft — Fr. fr. 3.50; 1/2 Jahr — Fr. frs 2.20.

Заказы просим направлять через контору «Соц. Вестника»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1936 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(16-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

а) одну из следующих книг: 1) Ю. Мартов — За-

писки социалдемократа, 2) Ф. Дан — Два года скитаний, 3) А. Югов — Пятилетка (на русском или франц. языке), 4) Сочинения Г. Плеханова — т. I (Социализм и политическая борьба. Наши разногласия и др.). Изд. Женева, 5) Две книжки: а) Jules Martov — Le Bolchevisme Mondial и б) S. Schwarz — Lénine et le Mouvement syndical, 6) Paul Faure — «Si tu veux la paix», 7) Léon Blum — Souvenir sur l'Affaire (дело Дреффуца), 8) B. Souvarine — Staline, 9) Arthur Rosenberg — Geschichte der Deutschen Republik.

или б) абонемент на одно из следующих изданий:

1) «Kampf» — на 1/2 г., 2) «Zeitschrift für Sozialismus» — на 1/2 г., 3) «Le Combat Marxiste» — на 1 год.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно

